

Эдуард Анатольевич Хруцкий Комендантский час (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824095
Комендантский час: Центрполиграф; М.; 2013
ISBN 978-5-227-03426-7

Аннотация

В книгу вошли два романа знаменитого писателя, киносценариста, мастера отечественного детектива Э. Хруцкого – «Комендантский час» и «Тревожный август», посвященные работе московской милиции в годы Великой Отечественной войны. Автор мастерски передает атмосферу тех героических дней, тщательно прорисовывает образы работников милиции, раскрывает перед нами их многогранный духовный мир. Главный герой – Иван Александрович Данилов – начальник отдела по борьбе с бандитизмом МУРа, и его коллеги предстают перед нами мужественными людьми с сомнениями, болью, любовью, ошибками...

Содержание

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эдуард Анатольевич Хруцкий

Комендантский час

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС 1941

Глава 1 МИНСК. 6 ИЮЛЯ, УТРО

Солдаты! Перед вами Москва. За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошли по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва – это конец войне. Москва – это отдых. Вперед!

Приказ Гитлера от 6 июля 1941 года

Совещание окончилось. Генералы, штабные и командиры частей группы армий «Центр», выйдя из зала, торопливо начали доставать сигареты. Они были похожи на кадет, дорвавшихся до долгожданной курилки. Конечно, командующий генерал-фельдмаршал фон Бок официально не запрещал курить, но все знали, что он не переносит табачного дыма.

Только один человек мог позволить себе не считаться с привычками фельдмаршала – группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски – личный представитель рейхсфюрера СС при штабе группы армий «Центр».

Никто из штабных, даже приближенных к фельдмаршалу, не знал, чем занимается этот страшно-вежливый эсэсовский генерал. Знали только, что у него свой штаб и двухметроворостые мордатые телохранители.

Из зала совещания группенфюрер вышел последним.

«Как они мне все надоели! – подумал он, глядя на суетившихся в вестибюле генералов. – Какая ограниченность, полное непонимание ситуации! Сейчас они делят победы. Хотят урвать кусок послаще. Неужели они не могут понять, что их «победы» были предприняты задолго до того, как они перешли границу? Они не любят меня так же, как и всю службу безопасности. Службу Гиммлера они боятся, а меня считают просто выскочкой. Что делать – каждому свое. Все-таки я сделал правильно, что ушел из армии в охранные отряды. Иначе дослужился бы сейчас в лучшем случае до заместителя командира полка».

– Курт, – повернулся группенфюрер к адъютанту.

– Слушаю, экселенц.

– Что было в этом доме раньше?

– Совет народных комиссаров Белоруссии, экселенц.

– Занятно строят эти русские, какая-то смесь казармы и замка. Кстати, Курт, узнайте фамилии и звания летчиков, первыми идущих на Москву.

– Слушаюсь! – Штурмфюрер стремительно повернулся.

– Да постойте вы! Командира эскадрильи и командиров экипажей сегодня же ко мне.

– Слушаюсь, экселенц!

Группенфюрер не выспался. Вчера ночью к нему прибыл особоуполномоченный рейхсфюрера штандартенфюрер Гунд, он привез важные инструкции, в которых оговаривались обязанности полевого реферата СД, который возглавлял Бах-Залевски.

Задание было трудным, группенфюрер гордился, что именно ему поручено дело, которое, безусловно, войдет в историю войны.

У входа его ждала машина. Приземистый бронированный «майбах». Вокруг стояла охрана.

Рядом с тяжелым «майбахом» приткнулся элегантный серебристый «хорьх». От машины навстречу группенфюреру, улыбаясь, шел офицер с нашивками штурмбаннфюрера. Черный мундир сидел на нем словно фрак на дирижере. Он был чрезвычайно элегантен.

– Франц, – группенфюрер улыбнулся, – дорогой Франц, как вы мне нужны!

– Я это почувствовал, шеф. Вернувшись, узнал, что вы на совещании, и приехал сразу сюда.

– Чертовски приятно иметь такого заместителя.

Группенфюрер говорил вполне искренне. Действительно, приятно иметь заместителем доктора права, профессора искусствоведения. Но, кроме этого, штурмбаннфюрер Франц Альфред Зикс был неоценимым знатоком агентурной работы. Феноменальная память позволяла ему держать в голове сотни кличек, псевдонимов, явок.

«Мне не нужна картотека, – часто шутил группенфюрер, – пока вы со мной. Вас, Франц, нужно беречь, как самый дорогой секретный сейф».

Бронированный «майбах» лавировал между разбитыми зданиями. Кое-где по самой земле стлался едкий, зловонный дым. Город еще горел.

Группенфюрер, презрительно прищулив глаза, смотрел в окно. Улицы были пустынные, завалены обломками кирпича.

Самые неожиданные вещи валялись на мостовой: перевернутые ручные тележки, разбитые чемоданы, детская кукла, сплюснутый трехколесный велосипед.

Бах-Залевски достал сигарету, адъютант услужливо щелкнул зажигалкой.

– Унылый город, Франц. Унылый. Разве его можно сравнить с Парижем? Помните Монмартр, прекрасные кафе? А женщины! И небо над городом, лиловое небо над черными, словно грифельными крышами.

– Париж? Но я был в Минске в 1939 году. Конечно, он не похож на Париж, но... Что касается женщин...

– Нет, вы меня не убедите, Франц. Кстати, кажется, тогда же вы были в Москве?

– У вас прекрасная память. Был. Как говорят русские, «стоял постоем» в гостинице «Националь».

– Что ж, вам повезло. Скоро вы будете рассказывать знакомым о том, что когда-то был такой город.

– Я не понимаю вас.

– Приедем – поймете.

На самой окраине города, у здания, построенного в стиле охотничьего домика, машина остановилась.

Группенфюрер и Зикс вошли в дом. В кабинете Бах-Залевски расстегнул китель, подошел к сейфу, набрал цифровой код.

– Вчера мне привезли из Берлина план операции «Тайфун». Провести ее поручено вам. Идите сюда, Франц.

Они удобно расположились в креслах у стола. Группенфюрер закурил.

– Вы удивились, Франц, когда я сказал о столице большевиков. С сегодняшнего дня группа армий «Центр» начинает наступление на Москву. Москва – конец войны. Как только столица большевиков падет, их многонациональное государство рассыплется как картонный домик. На Москву наступает семьдесят пять дивизий, из них четырнадцать танковых и восемь моторизованных. С воздуха их будут прикрывать легионы «Кондор», «Вевер», 28-я и 55-я эскадры. Тысяча самолетов. Тысяча, Франц! Такого ударного кулака не знала ни одна

война. Дни большевиков сочтены. Но это дело армии. Кстати, знайте, что ни один солдат вермахта в Москву не войдет.

– То есть, – Зикс снял очки, – как так?

– Туда войдут части СС. В течение недели мы должны будем вывезти из Москвы все архивы и ценности, к чертовой матери выгнать население, арестовать и расстрелять энкавэdistов, партийных функционеров, интеллигентов. А потом взорвать шлюзы и затопить Москву. Такого города больше не будет. Будет озеро, где мы будем кататься на яхте. Но для этого нужно провести колоссальную работу. Читайте документы.

Через два часа штурмбаннфюрер фон Зикс вызвал к себе подполковника фон Мантейфеля. Подполковник был уже стар, когда-то, еще при кайзере, он руководил немецкой разведкой в России. Потом о нем вспомнило ведомство Гимmlера. Фон Мантейфель спас от превратностей немецкой революции архивы своего отдела. Конечно, многих разыскать не удалось, но и среди этого старья нашлись стоящие люди. Как только началась война, Мантейфелю присвоили звание подполковника, и теперь он работал в группе Зикса.

– Пора активизировать ваших людей, господин фон Мантейфель.

Зикс встал, прошелся по кабинету.

– Пора! Наша задача – внести дезорганизацию в тыловую Москву. Паника, грабежи, слухи, сплетни, анекдоты, срыв эвакуации заводов, хищения ценностей культуры. Это не столько военный, сколько психологический эффект.

– Я понял вас. У меня есть подходящий человек. Он надежно законспирирован, имеет обширные связи среди уголовников.

– Ну что ж, пожалуй, подойдет. Тем более что уголовниками занимается милиция. А милиция, полиция – все одно и то же.

– Если считать этот разговор приказом, то я немедленно посылаю к нему связного.

– Кого?

– Унтерштурмфюрера Алекса Прилуцкого.

– Пригласите его ко мне.

Утром на стол группенфюрера лег рапорт:

«ГРУППЕНФЮРЕРУ СС И ГЕНЕРАЛУ ПОЛИЦИИ

ЭРИХУ ФОН ДЕМ БАХ-ЗАЛЕВСКИ

Штурмбаннфюрер Зикс почтительно докладывает.

Вчера в 23.00, во исполнение операции «Тайфун», в Москву на связь с агентом Отцом отбыл унтерштурмфюрер Алекс Прилуцкий. Прилуцкий снабжен деньгами и получил необходимые инструкции.

Штурмбаннфюрер СС и доктор фон Зикс».

Глава 2 МОСКВА. ИЮЛЬ

Начальник МУРа смотрел в окно. На противоположной стороне улицы у киоска с газированной водой стояла очередь. Начальник на секунду представил, как пенная струя бьет в стакан, как пузырится в нем жгучая от газа вода. Голова продолжала болеть. Повышенное давление напоминало о себе болью в затылке.

Два месяца назад он бросил курить. Как только появились первые боли, вынул из ящика стола коробку «Казбека», хотел бросить в урну, но передумал. Вызвал к себе молодого сотрудника Игоря Муравьева и отдал папиросы ему.

– Так как же быть с Костровым? – спросил начальник отделения Данилов.

– погоди, Иван Александрович. У тебя есть что курить?

– «Казбек».

– Давай его сюда.

– Но вы же...

– Мало ли что, время видишь какое.

Начальник жадно затянулся. И сразу стало легче, даже показалось, что боль утихла.

– Вот так. – Он тяжело опустился в кресло. – Не верь врачам, Иван Александрович.

Курнул – и легче стало. Ты мне оставь пяток.

– Да вы все возьмите. У меня в кабинете есть еще.

– Соблазн велик, возьму. Так ты спрашиваешь, как быть с Костровым?

– Случай уж больно необычный.

– Нет, Данилов, в этом нет ничего необычного. Он сам-то где?

– У дежурного сидит.

– Проверить его показания надо. А вдруг врет?

– Да я его знаю, Мишка врать не станет.

– А ты все ж проверь. Сколько у тебя в группе народу осталось?

– Трое.

– Значит, Полесов, Шарапов и Муравьев.

– Точно.

– Считаю, что остался ты один.

– То есть как? – Данилов встал, шагнул к столу. – Как – один, товарищ начальник? Моя группа больше всех потеряла людей. Восемь человек на фронт забрали. Я сам...

– Ты погоди, Иван Александрович. На! – Начальник протянул три одинаковых листа бумаги.

Данилов достал из кармана очки.

«НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО
УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
ОТ ПОМОЩНИКА ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОГО
МУРАВЬЕВА ИГОРЯ СЕРГЕЕВИЧА
РАПОРТ

Прошу вас разрешить мне пойти в ряды действующей армии. Я комсомолец, и место мое на фронте. Хочу беспощадно громить фашистскую нечисть, мстить за нашу поруганную землю.

И. Муравьев».

– Понял, Данилов, в чем дело? Ты два других можешь и не читать. Шарапов и Полесов тоже просятся. Ты им скажи, Данилов, я сам на фронт хочу, и ты тоже хочешь. Все хотят.

Вон мне Дерковский какой концерт устроил – в батальон Московской милиции его отпусти. А я с кем здесь останусь?

– Товарищ начальник...

– Ты, Данилов, молчи. Помню, как ты еще на финскую просился. Молчи уж. – Начальник взял папиросу. – Молчи, Данилов, а со своими ребятами поговори... Иди, Иван Александрович, иди... Чувствую я, что к вечеру много работы будет. – Начальник опять отвернулся к окну.

Почему-то ему казалось, что так легче думается. Калейдоскоп улицы успокаивал.

Петровка была почти такой же, как месяц назад. Торопились куда-то по-летнему нарядные люди, бойко торговал мороженщик, стояла очередь за газировкой. Но война уже чувствовалась. Военных побольше на улицах стало. На углу вместо привычного усатого постового стоит с винтовкой СВТ молоденькая девушка.

Вот она взмахнула полосатым жезлом, останавливая движение. Со стороны Пушкинской по трамвайным путям несли похожий на колбасу огромный зеленый баллон с газом для заправки аэростата. Девушки из батальона МПВО крепко держали за стропы упругое подпрыгивающее тело. А месяц назад он, начальник МУРа, видел аэростаты только на картинках в кабинете Осоавиахима.

Война для него началась так же неожиданно, как и для всего по-летнему беспечного города. Накануне днем поступили данные, что в бараке на Дангауэровке отсиживается Колька Цыган. Два месяца до этого дня МУР лихорадило. Бежавший из лагеря Николай Савельев по кличке Цыган совершил на окраине столицы восемь вооруженных налетов. Звонили из прокуратуры Союза, звонили из наркомата, звонили из таких мест, что и вспомнить не хочется. И был еще телефонный разговор с помощником одного из руководителей. И все потому, что Цыган, кроме всего прочего, ограбил одну из дач, которую в разговорах называют с приставкой «спец». Брать Кольку поехали ночью, ближе к утру. Операцию возглавил он сам, никому не доверил. В конце шоссе Энтузиастов, у Баулинских прудов, приткнулся дощатый барак. Здесь и было Колькино убежище. Оперативники быстро окружили барак. Оружие держали наготове, знали, что Цыган вооружен и так просто в руки не дастся. Начальник уже сталкивался с этим человеком. Он пошел первым. По неписаным законам, оставшимся еще с первых лет революции, в самой опасной операции первым идет старший.

Он шел, не глуша шагов, по-хозяйски, как дома. Ему противно было думать, что он, краснознаменец еще с Гражданской, должен подкрадываться, чтобы взять эту сволочь.

У дверей с цифрой «пять» было подозрительно тихо.

– Ломайте, – приказал он.

Два оперативника плечами высадили фанерную дверь. Подняв пистолет, начальник шагнул в комнату. Свет карманного фонарика вырвал из темноты фигуру, лежащую на кровати. Кто-то пошарил руками на стене, щелкнул выключателем. На железной койке, разметав во сне руки и широко открыв губастый рот, храпел Колька. В комнате отвратительно пахло перегаром, прокисшими консервами, потом.

– Берите его. – Начальник сунул пистолет в кобуру и вышел на воздух.

А Цыган так и не проснулся ни пока тащили его в машину, ни в самой машине, – до такой степени напился. Только следующей ночью он очнулся в камере и завыл от страха и ненависти.

Приехав на Петровку, начальник поднялся к себе в кабинет. Тотчас зазвонил телефон.

– Не спишь? – услышал он голос начальника Московской милиции.

– Цыгана только что...

– Да какой тут Цыган! Война! Сегодня немцы бомбили Минск, Брест, Киев, перешли границу. Собирай своих по тревоге!

Новость была настолько ошеломляющая, что он сразу и не понял, о чем говорит его собеседник.

– Ты что, оглох? – пророкотала трубка. – Собирай своих сыщиков. А за Цыгана спасибо.

– Есть. – Он положил трубку и посмотрел в окно, потом на часы. Пять... Почти незаметный свет фонарей, кое-где желтые окна, переключки редких автомобильных гудков, и вдруг – война... Нелепо и страшно.

Начальник сам пошел к дежурному. И пока он шел по коридору, почему-то в голову лезли совсем посторонние мысли – о том, что теперь уж в отпуск он не пойдет и долго, наверное, не увидит реку Ужу. И зря он отправил туда удочки.

Комната дежурного тряслась от хохота.

– Вы это чего? – спросил начальник.

– Да вот, комика привели! – Вскочивший дежурный пытался согнать с лица веселость и придать ему подобающее моменту выражение.

Начальник оглянулся. Со скамейки для задержанных поднялся человек.

– Ага, значит, ты здесь самый главный? – Язык у задержанного заплетался, казалось, что тот говорит с полным ртом.

– Возможно.

– А ты неприятности любишь?

– Нет, – думая о своем, ответил начальник.

– Тогда отпусти меня.

– Это ж почему? – удивился он, словно только что увидел задержанного.

– Работа у меня такая. Не отпустишь – не миновать тебе беды.

За спиной начальника сдавленно прыснул дежурный. Милиционеры у входа беззвучно хохотали, прикрыв рты ладонями.

– Ты кто ж такой: полярник, летчик-герой?..

– Почтище их буду... – Человек, покачнувшись, схватился за угол скамейки. – Не выпустишь, утром люди дознаются, придут сюда, большую неприятность сделают.

– Какие люди? Что ты болтаешь? – раздраженно бросил начальник.

– Я пивной палаткой заведу на прудах. В шесть утра открываю. Ко мне люди со всего города приезжают. Приедут сейчас, а меня нет. Где, спросят, Иван Карпыч? В милиции. Вот тогда они прямо к тебе.

– Никто к тебе нынче, Иван Карпыч, не придет.

– А я и по выходным торгую!

– Никто не придет к тебе. Потому что война началась...

Начальник увидел вмиг протрезвевшее лицо задержанного, встревоженные глаза милиционеров.

– Новиков, этого пивного негоцианта оштрафуй и выпусти, и срочно весь личный состав – по тревоге в управление.

Он вышел во двор. Над Москвой начался первый военный рассвет.

На всю жизнь, наверное, запомнится это утро. Пьяненький Иван Карпыч, дождевые тучки, собирающиеся в предрассветном небе, и Москва... теплая ото сна и такая беззащитная на первый взгляд.

Данилов

Данилов вышел из кабинета и в приемной еще раз перечитал рапорты.

«Ишь ты, – он покрутил головой, – ишь ты, на фронт! Ну ладно, Муравьеву прости-тельно: совсем еще мальчишка. А Шарапов? Взрослый человек, а туда же». Он вышел в

коридор, под ногой запела половица. «Хорошая примета. Иногда идешь, нарочно ее ищешь, а тут – на тебе, сама».

Пол в коридоре угрозыска был наполовину паркетный, наполовину из крашенных половиц. Одна из них скрипела, как только на нее ступишь ногой. Прозвали ее «певуном». Считалось, что если тебя вызвали «на ковер», то именно эта половица «приносит счастье». Но даже «певун» не радовал сегодня Данилова. Хотя, впрочем, день начался не так уж неудачно.

Рано утром к дежурному по МУРу явился бывший домушник Мишка Костров. Явился сам, сам, ожидая Данилова, написал о всех последних «делах» и в конце просил отправить его на фронт. Данилов знал Мишку не первый день и чувствовал: Костров что-то скрывает.

У дверей своего кабинета Данилов немного постоял, словно решая, зайти или нет. В комнате пахло застоялым табачным дымом. Даже открытое окно не помогало. Казалось, что стены и потолок навечно впитали в себя этот прочный и горький табачный дух.

Зазвонил телефон.

– Данилов, – зарокотал в трубке голос заместителя начальника МУРа, – Данилов, ты знаешь, что составляют списки семей для эвакуации? Как у тебя?

– Что у меня?

– С семьей как?

– Без изменений.

– Я не об этом, ты жену думаешь эвакуировать?

– Нет.

– Ну смотри...

Иван Александрович положил трубку. Эвакуировать Наташу. Конечно, хорошо бы. Да только она об этом и слышать не хочет. На второй день войны пошла учиться на курсы медсестер РОКК. Он пытался было начать этот разговор. Да куда там!

Война. А дела у них, у сыщиков, пока мирные. Старые дела. 24-го собирали их на совещание, говорили о возможной активизации преступных элементов. Но пока все тихо. И наоборот даже – преступлений меньше стало.

Данилов это объяснил просто. Огромное горе, постигшее страну, заставило вспомнить о своем гражданском долге даже тех, которые в мирное время доставляли немало хлопот. Дней пять назад он стоял у аптеки, что на углу улицы Горького, рядом с Белорусским вокзалом. Движение было остановлено: на погрузку шли войска. Внезапно кто-то осторожно тронул его за локоть. Данилов обернулся. Перед ним стоял боец в новом обмундировании.

– Не признаете?

Данилов взгляделся.

– Самсонов я, неужели не помните?

– Помню, Борис, как же, помню.

– Я так и думал. Память у вас хорошая.

– На фронт?

– На фронт, Иван Александрович. Вы только не подумайте, я сам в первый день в военкомат пришел, да многие наши тоже пошли. Вы только не подумайте...

– А я и не думаю, Боря. Родина тебе поверила, а прощение сам заслужишь. Ты ведь перед ней в большом долгу.

– Я знаю, – голос Самсонова сорвался, – знаю. Вы только не подумайте...

– А кто из «ваших» пошел?

– Баранов, Алешка Бердадым, Сенечка, Колян, Битый...

– Ну что ж, Боря. Желаю встретиться после победы. Хочу в гости к тебе зайти, поговорить.

– Обязательно! – Самсонов крепко пожал протянутую руку. – Обязательно!

Данилов смотрел ему вслед до тех пор, пока Борис не смешался с толпой. Но Данилов слишком хорошо знал своих «клиентов», чтобы тешить себя иллюзиями. Кто и ушел на фронт, а кто и остался. А если остался, значит, ждет удобного случая.

Иван Александрович еще раз перечитал рапорты, усмехнулся и спрятал их в ящик письменного стола. На фронт захотели. Еще неизвестно, где им труднее будет: на фронте или здесь. Вчера в метро на площади Маяковского Данилов на противоположном эскалаторе увидел военного. Седоватый подполковник с зелеными петлицами пограничника глянул в его сторону и сразу как-то уж слишком быстро отвернулся. Но тренированная память моментально зафиксировала брезгливо опущенные складки губ, кривоватый, словно у боксера, нос, а главное, глаза, большие синие холодные глаза! Широков? Нет, этого не может быть. Ведь Широков убит. Совершенно точно. Он даже вспомнил сводку-ориентировку Иркутского угрозыска, где ясно говорилось о том, что Широков, кличка Резаный, он же Колодный, он же Скопин, он же Веселаго, был убит работниками розыска на лесной бирже в лес-промхозе «Красный Восток» в тот момент, когда пытался на плоту уйти вниз по реке. Но почему же так быстро отвернулся тот подполковник? Даже слишком быстро... Данилов поднял телефонную трубку:

– Архив?.. Пришлите ко мне дело Широкова.

И пока сотрудники архива искали нужную папку, пока несли ее, Иван Александрович раздумывал о случайной встрече в метро. Конечно, если он ошибся, то, как говорится, слава богу. Ну а если нет? Если нет – это очень страшно. Такая сволочь, как Широков, зря в Москву не приедет. Жди беды.

Муравьев

Игорь проснулся буквально за минуту до звонка. Еще миг он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как через веки просачивается багровый свет солнца, а потом на ощупь взял будильник и перекрыл рычажок звонка. Будильник запоздало звякнул.

– Игорь, опять! – воскликнула мать, увидев сына с будильником на пальце. – Сколько же раз повторять надо?! Это реликвия. И опять ты не дал ему звонить. От этого портится пружина. О господи! Эта молодежь! А нашей семье он служит уже двадцать лет!

– Не двадцать, а всего-навсего семь. – Игорь, чмокнув мать в щеку, поставил на стол будильник и пошел делать зарядку.

Настроение было отличным. Сегодня наконец сбывается его мечта. Как вот только сказать матери – этого Игоря пока не решил. Ну ничего, он скажет позже, когда явится домой в новенькой форме, перетянутый ремнями, с направлением на фронт и кубарями в петлицах. В том, что его рапорт удовлетворят, Игорь ни минуты не сомневался – армии нужны знающие командиры. Начальник, конечно, его поймет: время такое. Вот лишь бы Данилов не упрямился.

Решение немедленно идти на фронт созрело окончательно и бесповоротно вчера, когда Игорь встретил очкарика Петьку – Таниного мужа. Человек худосочный и слабый, Петька всегда вызывал у Игоря чувство пренебрежительного снисхождения. Да и где уж ему было сравниться с Игорем, который еще два года назад, в школе милиции, был чемпионом по боксу. А вчера Игорь встретил его и не сразу узнал. Петька словно преобразился, хотя военная форма висела на нем мешком. Но в петлицах у очкарика сидело по шпале и звездочка на рукаве. «Старший политрук» – это что-то да значило! Уж если таких призывают, то ему отсиживаться в тылу просто невозможно.

Окончив зарядку, Игорь плескался под умывальником, растирал тело под струей холодной воды и ощущал, как приятно твердели мышцы.

Одевался он привычно быстро – работа научила.

Оглядел свою маленькую комнату, и на миг что-то стеснило сердце: может, в последний раз. Да, конечно, война не на один день. И хотя мысли о смерти ему не приходили в голову (как не было их и прежде – ведь работа в МУРе постоянно связана с определенной опасностью), тем не менее хотелось запомнить все родное и привычное, как-то по-новому сохранить в себе... Портрет Дзержинского над письменным столом... Этот портрет, как говорила мама, принадлежал еще отцу, кочевал с ним повсюду, благо небольшой размер. Снимок был редкий, один из последних. Феликс Эдмундович сидит за письменным столом. Оторвавшись от бумаг, поднял голову, и глаза у него пронзительные и усталые. Может быть, из-за этого портрета, ну и конечно же из-за отца и выбрал себе такую профессию Игорь. Вот он – отец. Его увеличенная фотография висит над кроватью. Отец, в кожанке, уселся верхом на стуле, облокотившись на спинку. Игорь знал: у него такие же, как у отца, светлые волосы и широко поставленные глаза. Отец родом с Южного Урала. А погиб он в тридцать первом в Средней Азии. Его имя хорошо известно, и, конечно, это сыграло свою роль при поступлении Игоря в школу милиции. Там ему постоянно напоминали, кто был Муравьев и каким должен быть он, его сын.

Уже в школе милиции Игорь твердо решил, что пойдет работать в органы госбезопасности, станет настоящим чекистом, как Дзержинский, как отец. Раскрывать заговоры вражеской разведки, брать шпионов – в этом, разумеется, была настоящая романтика. Но им распорядились по-своему. Послали в уголовный розыск. Поразмыслив, Игорь пришел к выводу, что и это, пожалуй, ничуть не хуже. Те же засады и ночные погони... Да, в этой профессии тоже было немало романтики. Правда, на счету у Игоря даже теперь еще немного дел, а все в основном так себе – мелочь, все больше кражи, но ведь по коридорам небольшого дома на их легендарной Петровке ходили настоящие герои. В общем, Игорь не жалел, что попал в МУР. Вот только с начальником ему не повезло. Данилов никак не подходил под разряд «героев». И что самое главное, никак не хотел понять, что преступно сидеть в тылу, когда началась такая война. «Но теперь все, уважаемый товарищ Данилов, рапорт подан, и завтра мы с вами расстанемся. Пусть в тылу сидит Иван Шарапов – ему можно, он все равно старый».

– Игорь, сколько тебя можно ждать? – донесся с кухни сердитый голос мамы. – И вообще, перестань свистеть в доме. Во-первых, это неприлично. Отец в твоём возрасте...

– Знаю, знаю, мамочка, – прервал ее Игорь, входя на кухню. – Все знаю. – Он обнял мать. – Отец в моем возрасте никогда не свистел. Кому ж, как не тебе, это знать. Вы и познакомились-то, когда ему было за тридцать. Разве не так?

– Ах, оставь меня! Вечно ты со своими шуточками... Взял бы лучше пример с Петра. Вот истинно интеллигентный человек!

Игорь хотел было ляпнуть про хилого очкаря, но вовремя прикусил язык. Судя по всему, мать еще не знала о назначении Петьки, Татьяна, видимо, еще не прибежала, так что лучше придержать язык. «Да, – подумал он и вздохнул, – сюрприз будет матери...»

– Ладно, мам, не буду, – примирительно сказал Игорь, – давай пищу, а то опоздаю.

– Разумеется! Он опоздает! Боже, что это за народ!.. Почему я никогда не опаздываю?

Кашляя и давясь пересушенной картошкой, Игорь слушал сетования матери на резко возросшую дороговизну, потом она пересказала последние известия. Игорь не дослушал, выпил чашку молока и, поцеловав мать, выскочил из дому. Он спрыгнул с крыльца, обернувшись, махнул рукой матери, выглядывающей из окна кухни, и бегом припустил через заросший лебедой пустырь к трамвайной остановке.

Звения и раскачиваясь, из-за поворота выполз трамвай, битком набитый, как всегда. Но тут еще втиснуться можно. А подальше, у рынков, будут висеть на поручнях гроздьями. Игоря притиснули к окну на задней площадке.

Расправив затекшие в трамвайной давке плечи, вынул отцовские часы-луковицу на цепочке и отщелкнул крышку. Было только половина девятого. Значит, есть еще полчаса.

Конечно, лучше раньше появиться на работе, узнать последние достоверные новости, обсудить их с ребятами, но хотелось, пока есть время, заскочить хоть на минутку к Таньке. Может быть, Петр дома. «Ишь ты, – подумал он, – Петька! Его теперь и неудобно так называть».

Семья оказалась вся в сборе: Петр, Татьяна и обе их девчонки. Малышки сразу повисли на Игоре и хором начали кричать, что их папа идет бить Гитлера, что у него есть револьвер и что они все вместе его собирают. Петр стоял, растерянный, посреди комнаты, очки у него съехали на кончик носа, волосы взлохмачены. Он схватился двумя руками за вещевой мешок, а Татьяна засовывала туда кульки и свертки.

– Нет, я так не могу! – воскликнул Петр с отчаянием. – Это же черт знает что! Игорь, посмотри же! Это же действительно черт знает что! Это же все смеяться будут!

Он резко тряхнул мешок, и из него посыпалось печенье, выпала и покатилась коробка с монпансье. Петр подхватил коробку, высоко поднял над головой и тонко закричал:

– Вот! Взгляни! Старший политрук Карпунин будет сосать душистый горошек! Надо мной вся дивизия хохотать станет! Это же... Ну, Танюша, ну, деточка, умоляю, дай я сам все сложу. Мне ведь сказали, что надо брать.

Татьяна молча сидела на диване, сложив на коленях руки, и по щекам ее катились крупные слезы. Она смотрела на мужа и молча плакала. А девчонки, хохоча, подбирали с пола печенье.

Петр вытряхнул содержимое мешка на стол и стал аккуратно укладывать полотенца, белье, портянки...

Игорь присел на диван рядом с сестрой, положил ей руку на плечо, и Татьяна уткнулась ему в грудь.

– Да, дела... – протянул Игорь. – На какое направление, не знаешь?

– Какой там фронт! – неохотно отозвался Петр. – В запасной полк пока, а там видно будет... Ты тут не оставляй моих, заглядывай, ладно? – Он просительно заглянул в глаза Игорю. – Трудно им тут будет без меня... А это еще что? – снова воскликнул он тонко. Из груди вещей выпал медвежонок. Петр повертел его в руках, разглядывая недоуменно.

– Это мы, папочка, чтоб тебе не скучно было, – в один голос закричали малышки. – Пусть он вместе с тобой воюет!

Петр задумчиво посмотрел на медвежонок и, отвернувшись от Игоря, сунул его в мешок.

– Так заходи, – глухо повторил он.

– Я думаю, – медленно сказал Игорь, – что им надо с матерью съехаться. Я ведь и сам... не сегодня завтра... Рапорт вчера подал, должны отпустить.

– О господи, горе мое!.. – уже в голос заплакала Таня. – И этот туда же... Мальчишка...

– Какой я тебе мальчишка! – Игорь обиженно отстранился от сестры. – Где ты видела мальчишку? Я уже год в угрозыске, каждую ночь операции... – Он запнулся, поняв, что перехватил. – Ладно, пора идти. Давай простимся. Может, доведется на одном фронте воевать.

Он подошел к Петру, пожал руку, потом они крепко обнялись, расцеловались, похлопали друг друга по плечу.

– До скорого. – Игорь махнул рукой. – А за них не бойся. Мать нас с Танькой одна вырастила, как-нибудь уж справится с моими племянницами.

Уже выйдя на лестничную площадку, Игорь понял, что его беспокоило. В квартире сестры поселился новый запах – кожаных ремней, ваксы – запах дороги. У них в МУРе, в дежурке, так было все время. Но теперь Игорю показалось, что это запах войны.

Шарапов

Всю ночь у Шарапова болело плечо, простреленное двадцать лет назад. Его знобило. Иван подбирал колени к животу и, на шаривая в темноте рукой, натягивал поверх одеяла свое старенькое пальто. Но когда ледяная дрожь отпустила, становилось нечем дышать, и он, шлепая босыми ногами по скрипучим половицам, брел к ведру с водой и, лязгая зубами о край оцинкованной кружки, пил противно теплую воду. Ненадолго становилось легче, вроде бы расступалась ночная тьма и уже виделся близкий рассвет, хотя на улице было и так светло – июльские ночи коротки. И еще Ивана мучило прошлое, даже, скорее, не мучило, а как бы раскручивалось бесконечной лентой, и остановить это движение не было никакой возможности.

Старые ходики на стене показывали пятый час. Чего уж теперь спать... Он снимал с жены маленький частный домик на Перовом поле. Домишко был старый, но крепкий, весь обсаженный густой сиренью, отчего в комнатах было немного сумрачно и прохладно даже в нынешнюю июльскую жару. Иван распахнул створки низенького окна, вдохнул рассветную пахучую прохладу – хозяйка разводила под окнами флоксы на продажу, а теперь была пора самого цветения.

С недалекой станции доносились приглушенные гудки паровозов, шипение пара и лязганье вагонных сцепок. Железная дорога жила напряженной жизнью и днем и ночью. Тяжело груженные составы шли в Москву с Урала, из Сибири – техника, люди, – казалось, вся страна сдвинулась с места. Ивана снова стало знобить, он прикрыл створки окна, накинул на плечи пальто и присел к столу, разминая в пальцах папиросу.

Он наконец прикурил и сладко затянулся дымом, поплотнее укутав левое плечо. Пуля тогда была, видно, на излете, но кость все же тронула. Да, намучились с ним в ту пору врачи, пока вынули... Вынуть-то вынули, а рана вот напоминает.

Он хорошо помнил Гражданскую. Тяжелая то была война, но ведь и он молодой был, девятнадцать лет, – марш, марш, руби, коли! Друзья-эскадронцы веселые, лихие, чубатые. Или так теперь кажется, что просто все было? Он ведь в тонкой политике не был силен: за мировую революцию! – и в клинике. Позже стал разбираться, что к чему. Тогда и угодила в него кулацкая пуля.

Иван выдвинул из-под койки обшарпанный, со сбитыми углами чемоданишко, где хранился весь его личный и семейный архив, сдул пыль, поставил на койку, открыл крышку и, присев рядом, стал перебирать пожелтевшие бумажки...

Наконец Иван сообразил, что он ищет в своем архиве. Вот она, истертая, того и гляди в руках развалится, подклеить бы.

Он развернул почти прозрачный серый лист, перенес его к столу, аккуратно разложил и, щурясь, стал читать.

«Хищникам и ворах народного достояния нет пощады.

В то время, когда все усилия трудового народа направлены к борьбе с разрухой и надвинувшимся стихийным бедствием – голодом.

В то время, когда дорог каждый вовремя добытый и доставленный нуждающимся и голодным кусок хлеба и каждый пуд зерна для обсеменения обширных полей пострадавшего Поволжья, находятся паразиты и негодяи, которые расхищают народное добро из вагонов, пакгаузов и складов.

Хищники пользуются всякими способами, чтобы за счет несчастия другого, за счет награбленного создать свое благополучие.

Им нет дела до миллионов страдающих детей и крестьян голодных губерний.

Им нет дела до лишений и испытаний, которые терпит все трудовое население городов.

Часто они бывают неуловимыми, скрываясь под маской должностных лиц, причастных к нагрузке, выгрузке, хранению и перевозке грузов на транспорте.

Они не только сами воруют, но и потворствуют сторонним бандитам и ворам, скрывая следы их преступных дел.

Советская власть, в интересах трудящихся масс, примет все меры, чтобы положить предел этим преступлениям.

Суровые кары, вплоть до высшей меры наказания – расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и к пособникам краденого.

Советская власть призывает всех честных граждан на борьбу с паразитическими элементами, ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики.

Все честные транспортные работники должны принять участие в этой борьбе совместно с карательными органами.

Будьте бдительны и вместе с рабоче-крестьянской властью беспощадно боритесь с волками и хищниками народного достояния.

ПРЕДВЧК и НАРКОМПУТЬ Ф. Дзержинский».

Вот с этой листовки, которую осторожно, чтобы не разорвать, отклеил со стены Серпуховского вокзала и спрятал в карман бывший боевой эскадронец Иван Шарапов, и началась у него новая жизнь.

Стал Иван Шарапов рядовым чоновцем. В него стреляли, и он стрелял.

А вот уж чего он никогда до самой смерти не забудет, так это ночевки в Кирсановском уезде на Тамбовщине. Название той захудалой деревушки, где их отряд остановился на ночлег, совсем стерлось из памяти, а та ночь и теперь напоминает о себе. Среди ночи изба, где спали чоновцы, вспыхнула со всех сторон сразу, и тут же по окнам хлестнули выстрелы. Иван помнит, как товарищи сообща выставили узкую раму и, отвлекая огонь бандитов на себя, помогли ему бежать за подмогой. Он неведомо каким чудом нашел коня и умчался в ночь, зажимая пятерней простреленное плечо. Только под утро он встретил мужиков из соседней коммуны и, еле держась в седле, привел их к сгоревшей дотла избе.

Потом, говорили, были похороны. Оркестр играл «Интернационал», но Иван в ту пору метался на больничной койке, снова, полураздетый, мчался сквозь пургу на коне, и кричал страшным матом, и срывал бинты...

Сколько ран было на его теле – все зажили, одни рубцы остались. А эта вот – в плече – никогда, видно, не заживет.

Из госпиталя он вышел, как после тифа, – ветром качало. Вот тогда, помнится, и приехал в родное село, да уж нечего там было делать – подался обратно в город. Работал в охране на транспорте, в милиции. Новые товарищи встретили хорошо, помогли на первых порах, посоветовали учиться. А каково это было ему? За спиной – война, госпитали и столько смертей, что целому эскадрону хватило бы. Однако все та же крестьянская хватка помогла. Усидчив был. Крепок в своем желании. Шел на грамоту, как на Деникина. И победил. Перебрался поближе к Москве, в Загорск, тут и женился. Только не вышло у Ивана порядочной семейной жизни в тещином доме.

Поначалу он решил было: богомольная тихая старушка, греха за душой не держит. И дом такой же тихий и скромный. Сад, огородишко. Поселился Иван у молодой жены, думал

жизнь свою бурную поправить, в порядок привести и, кто знает, возможно, дальше учиться. А вышло все наоборот.

Теща тихая-тихая, а оказалось – дальше его смотрела. Иван по-прежнему был постоянным милиционером. Должность, как говорится, невелика, а по мнению некоторых – все же начальство, власть, иными словами. Вот эта самая власть и нужна была тещеньке для своих темных дел. Жена – что... Марья, конечно, во всех материнских делах участия не принимала да и не знала о них наверняка. Красивая была девушка, смирная. А теща, выходит, сразу поняла свою выгоду от такого брака: власть в доме, кто сунется? Да только не на того напала.

Стал он со временем замечать, что похаживают к старушке разные люди. Ну, дело божеское, богомольное, лавра под боком. Теща говорила, дальние родственники к Богу приходят.

И вот однажды...

Иван закурил новую папиросу и выглянул за дверь, как будто его мысли могли потревожить сон Марьи. Нет, спит – не шелохнется.

Да, припозднился он однажды на службе, – считай, под утро домой явился, уже светать начало. Глядит, на тещиной половине свет горит. «Молится, что ли?» – подумал. Вроде рано. Никогда так рано не вставала. Они тогда в своем доме глухую перегородку поставили, чтобы тещиным гостям не мешать, да она и сама была не против. «Дело ваше молодое, – говорила, – вам самим по новым порядкам жить требуется...» Подошел он к тещиной-то половине, а из ее двери как раз на крыльцо мужик выходит, прощается со старушкой и довольно резво идет прямо на Ивана. И ряса на нем черная до пят. Увидел Ивана, не растерялся, подошел поближе, поздоровался смиренно, сказал, что о делах божеских со старушкой праведницей беседовал, да вот и время не уследил. Слушал его Иван, и что-то давно забытое копошилось в его памяти, но что – никак не мог понять. Вроде бы знал он этого человека. Только не такого, как сейчас, с аккуратной темной бородкой, а другого, молодого и без бороды. Но где он его встречал? Нет, что встречал – это точно, память у Ивана и сейчас на лица отменная. Раз увидел – как впечатал.

Так и расстались они у тещино порога. Позже, отгоняя назойливую мысль, спросил тещу, кого это она посреди ночи-то принимала. Мелко смеясь, старушка вроде бы даже сконфузилась, сказала, что это дальний ее родственник, перевели его в лавру, теперь тут служит. Давно не виделись, вот он и наведалься. Хороший, божеский человек. Может быть, все бы так и кончилось, кабы не острая память Ивана.

Однажды ночью его так и подбросило на кровати – даже Марья испугалась. Но ничего не сказал жене, а утром отправился в лавру и весь день присматривался к приходящим. И на другой день тоже. Того ночного незнакомца не было. Не было видно его и среди служителей, хоть службы шли богатые – Сергия Радонежского праздновали, основоположника Троице-Сергиевой лавры. Провалился незнакомец. Приступил с расспросами к теще. Что-то, мол, нашего родственника не встречаю, вы же говорили, что сюда переведен. Теща отделилась общими словами или попросту отмахивалась.

Увидеть этого человека стало для Ивана необходимостью. Увидеть, чтобы утвердиться в своих подозрениях или рассеять их. Наконец не выдержал, пошел и все рассказал своему начальнику. Хороший был человек, только женитьбы Ивана не одобрил, ну так ведь не ему жить. А тут, как рассказал Иван о своих подозрениях, даже со стула привстал. «Ну ты, – сказал, – даешь! А ежели тебя память после всех ранений подводит?» Однако согласился с Ивановым планом. Стали ждать. И дождались. Явился родственничек, тут его с золотишком и взяли. А когда потянули ниточку, так и весь клубок покатылся.

Не подвела Ивана память: еще за день до пожара он видел этого человека – сына кулака Леденева. Видел, когда у его папаши хлеб из ям выгребали. Взгляд его запомнился. А после,

как стало известно, сынок и порешил чоновцев, банду организовал из дружков своих. Погуляли они на Тамбовщине. Долго будут помнить люди их кровавые загулы.

Вот как все обернулось. А начальник действительно хорошим мужиком оказался. Когда Ивана потянули в особую инспекцию, пошел сам, партийным билетом поручился. О чем они там долго говорили, Иван так и не узнал, но только вкатили ему строгача да еще сказали: легко, мол, отделался. Ну а с тещей по закону поступили. Начальник и позже помог, когда Иван, забрав жену, уехал в Москву. На курсы устроил, рекомендацию хорошую дал, а как стал Иван работать в МУРе, едва ли не первый поздравил с повышением.

Вот через сколько лет протянулась леденевская ниточка... До сих пор плечо по ночам ноет. Главное, чтобы врачи не догадались. Да, время сейчас такое, что не до личных ран. Потом подлечимся...

Иван сложил бумаги в чемодан, запихнул его поглубже под койку и стал одеваться. Решил пораньше уйти, не будить жену. Ей не впервой, привыкла к беспокойной мужниной службе.

Солнце уже давно встало, но утренняя свежесть лежала на траве и листьях. Дышалось легко. Воздух припахивал паровозным дымом, щекотал ноздри. Возле станции на длинном дощатом заборе висел свежий плакат. Иван остановился. Женщина подняла руку, а сзади штыки, штыки... И присяга военная: «Родина-мать зовет!»

Иван посмотрел и, ссутулившись, пошел на станцию. Скоро должен был пройти поезд на Москву.

Полесов

Просыпался он всегда в шесть. Что бы ни случилось, когда бы спать ни лег – в шесть открывал глаза. Потом он мог поспать еще, но в шесть должен был проснуться обязательно.

Когда жена Соня еще жила с ним, из-за этого по выходным скандалы бывали. Мол, покою от тебя нет, даже в день отдыха. Но Соня ушла от него. Ушла, оставив записку: «Степа, полюбила другого». Кто был тот другой, Полесов знал точно. В первую минуту чуть было не собрался пойти по адресу: Грузинский Вал, дом 26, но передумал. Насильно мил не будешь. Это уж точно.

Но даже после ее ухода в доме все шло по старому, заведенному порядку. В шесть утра Степан вставал. Сорок минут занимался гимнастикой, поднимал пудовые гири, потом мылся холодной водой по пояс, докрасна растирался жестким полотенцем. Завтракал он в буфете на углу Первой Брестской и Грузинского Вала, приходил первым, к открытию. Потом покупал газету и шел на работу, в депо. День был загружен полностью. А вечера?.. После работы приходил он домой в чистую комнату, садился у окна и часами смотрел на улицу. Звенели трамваи, кричали паровозы на Белорусской дороге, шуршали по тротуару подошвы прохожих, и Степан сидел, глядя на зажигающиеся огни Ленинградского шоссе.

Иногда во дворе он встречал Соню. Двор был общий, так как его дом, 43-й, являлся как бы началом дома 26.

Она проходила веселая, в ярком летнем платье, а рядом с ней Борька Константинов, симпатяга, лихой парень, лучший гитарист, пьяница и бабник. Жил он в одной квартире со старшим братом, Анатолием, военным инженером. Вот тогда совсем плохо становилось Степану. Тогда и просиживал он целыми вечерами у окна: бездумно и одиноко. Правда, такие вечера стали несчастными: Степан записался в деповском клубе в секцию гиревиков.

Он решил твердо: вырву память из сердца. Упорным был мужиком Степан. А был бы другим, неизвестно, что и получилось бы...

Вьюжной ночью сурового двадцатого года подобрал машинист Андрей Полесов на перроне станции Чита-товарная мальчишку лет семи. Тот лежал возле угольного пакгауза

совсем замерзший. Принес его Андрей в дежурку, отогрел, чаем отпоил. Парень был черный от угольной пыли, худой, в рваном колушке. Забился в угол и всю ночь дрожал там, как побитая собака.

Утром отвел его Андрей в привокзальный санпропускник, вымыл, сам постриг ножницами. Парнишка оказался белоголовым, большеглазым. Он рассказал Андрею, что отец его погиб на войне, а мать зарубили какие-то бандиты месяц назад.

Жаль стало Полесову сироту, посадил он его к себе на паровоз и увез. Сначала в детский дом определить хотел, а потом оставил у себя. Так появился в Москве Степан Андреевич Полесов.

Дальше жизнь пошла как надо. Степан окончил семилетку, пошел в техникум. Конечно, в железнодорожный. Получил диплом с отличием и ушел на военную службу.

Попал Степан в пограничные войска на Карельский перешеек. Служил хорошо, стал старшиной заставы. Правда, особых происшествий у него не было, но все-таки увез домой именные часы от наркома. Повезло за два дня до окончания срока службы: задержал опасного нарушителя.

Вернулся Степан домой – пошел в депо мастером паровозоремонтной бригады, стал стахановцем, вступил в кандидаты ВКП(б). В тридцать девятом, как раз перед самой женитьбой, наградили его медалью «За трудовую доблесть». За несколько дней до финской войны умер отец. Только похоронил его Степан – война.

Он сразу же написал заявление в военкомат. Но через несколько дней его вызвали в партачейку.

За столом секретаря сидел мужчина в гимнастерке без петлиц, но с медалью «За отвагу».

– Давайте знакомиться, товарищ Полесов, – сказал он, – я из милиции. Данилов моя фамилия. Садитесь, пожалуйста.

Степан присел у стола, недоумева, зачем он вдруг милиции понадобился.

– А дело у меня вот какое, – продолжал Данилов. – Сейчас лучших коммунистов партия направляет для работы в органы НКВД. От депо рекомендовали вас.

Степан согласился сразу. Он не кокетничал, не говорил о том, что работа незнакомая. Нет. Партия рекомендует – значит, так нужно.

Взяли Степана Полесова на работу в угрозыск. Учил его сам Данилов. Наука была непростая. Но там, где не хватало специальных знаний, Степан поступал так, как ему подсказывала совесть большевика.

В отделе у Данилова работа была трудная. Занимались они налетчиками, бандитами. «Клиентура», как говорил начальник отдела, серьезная. Народ в основном отпетый. Почти каждому при задержании грозила высшая мера наказания – расстрел, поэтому они сами стреляли не стесняясь.

Новая служба пришлась Степану по душе. Товарищи ему тоже нравились. Веселые, смелые, отзывчивые ребята.

Они тоже вскоре полюбили Степана. Ценили его за хладнокровие и огромную физическую силу. Так же как в армии и в депо, Степан работал обстоятельно, на первый взгляд неторопливо. Брался он за дела незаметные. Но обязательно находил в них важные и интересные моменты. Так, однажды он получил, казалось, совсем пустяковое дело о взломе голубятни во Втором Кондратьевском переулке. Но Степан был твердо убежден, что пустяковых дел не бывает. Постепенно разматывая почти совсем незаметный клубок, Степан вышел на группу подростков, а через них на знаменитого Вальку Китайца – крупного грабителя и домушника. Оказывается, Валька сколотил группу мальчишек, которых пока заставлял воровать по мелочам: белье на чердаках, голубей, папиросы в киосках.

«Кадры готовил» – так доложил Степан Данилову.

Это дело было переломным для Полесова. Ему стали все чаще и чаще поручать работу с подростками.

«Директор детского сада», – смеялись отчаянные ребята из даниловской бригады. Но они были рады, что передали Полесову свои «скучные» дела.

Степан ездил в школы, в райком комсомола, на заводы и фабрики. Беседовал с родителями и воспитателями детских колоний, организовывал юношеские клубы при домоуправлениях, доставал футбольные мячи и сетки для волейбола.

Дни укладывались плотно, как патроны в обойму. Он и не заметил, как пролетел год.

И этим утром Степан встал, как всегда, в шесть, едва только прозвучали в репродукторе первые позывные станции имени Коминтерна. Он несколько раз присел, потом взял гири. Привычно, легко, даже с некоторым изяществом бросил их вверх, вниз, вдох, выдох...

«Передаем утреннюю сводку Совинформбюро», – прозвучал в комнате металлический голос репродуктора. Степан поставил гири и внимательно выслушал сводку до конца. Не окончив гимнастики, пошел в ванную. Долго, зло полоскался под краном. Вернувшись в комнату, открыл платяной шкаф.

Что же надеть? Костюм? Сегодня он пойдет в военкомат (в том, что его рапорт удовлетворили, он не сомневался, все-таки не какой-нибудь новобранец, а кадровый старшина). Естественно, что сразу же отправят на сборный пункт, там ему дадут форму. Значит, пригодятся и хромовые сапоги, и широкий командирский ремень.

Степан достал новую коверкотовую гимнастерку. Через десять минут он вышел из подъезда на залитый солнцем двор. Эх, лучше бы он подождал еще минут десять, лучше бы и не выходил!

Навстречу ему шел Борька Константинов, в новом солдатском обмундировании, в левой руке он держал вещмешок, а на правой повисла заплаканная Сонька.

Борька молча критически оглядел Степана. Всего, начиная с новой гимнастерки, кончая хромовыми, сияющими на солнце сапогами. Оглядел, ухмыльнулся и скрылся под аркой ворот.

Степан постоял, потом зачем-то поправил медаль на гимнастерке, помедлил еще немного и пошел следом за ними.

Он без всякого аппетита выпил стакан кофе и съел пирожок, даже не обратив внимания, с чем он. Расплатился и вышел из буфета. До управления ходьбы было минут тридцать. Взглянул на часы. Семь десять. Времени больше чем достаточно.

Степан не торопясь пошел к улице Горького. На углу у аптеки остановился возле «Окон ТАСС». Внимательно прочитал стихи под карикатурами Кукрыниксов. На картинках наши бойцы насаживали на штык сразу по пять бегущих немцев. Степан вспомнил сводку и вздохнул. Рядом на стенде был вывешен свежий номер «Красной звезды». Полесов прочитал вечернюю сводку Совинформбюро, потом несколько заметок о подвигах никому не известных бойцов и командиров... Странно как-то получается. Вроде бы, если судить по заметкам, бьют немцев в хвост и в гриву. А опять оставляют город за городом. Действительно, странно. Настроение испортилось окончательно. На улицу Горького Степан вышел мрачнее тучи.

Вот уже год, как ходит он этой дорогой на работу. Вроде бы ничего не изменилось. Та же улица, те же вывески и витрины... А все-таки не то. На окнах крест-накрест белые бумажные полоски, исчезли продукты с витрин. Закрыт кафетерий «Форель». В трамваях и троллейбусах окна плотно закрыты синей бумагой, на перекрестках стоят милиционеры с винтовками. Даже дворники и те метут улицу с противогозами через плечо.

Наверное, таким и должен быть фронтовой город. А Москва, хоть немцы еще и далеко, город именно такой. Ведь здесь – главное, отсюда партия руководит обороной.

И все-таки Москва остается Москвой. Несмотря ни на что. Вот газировщицы открывают свои палатки. В кинотеатре «Москва» идет фильм «Антон Иванович сердится» и «Боевой киносборник» номер три. Хорошая там песня. Степан пошел дальше, напевая про себя: «До свиданья, города и хаты...»

Постепенно настроение улучшилось. Он шел по своему городу, в котором вырос и который ему доверили охранять. Для него Москва осталась такой же красивой, только она надела военную форму и возмужала.

Грасс

Первым в коридоре Данилов встретил Шарапова. Как всегда, Иван пришел на работу за четыре минуты до девяти. Данилов еще раз подивился точности этого человека. Ведь живет же дальше всех, у черта на куличках.

– Желаю здравствовать, Иван Александрович.

– Здравствуй, Иван Сергеевич.

Шарапов глядел на начальника спокойно и выжидающе. Нет, он не раскаивался ни в чем и ни в чем не чувствовал своей вины. Он был прав. Как всегда, прав. И правду свою понимал сердцем.

Данилов знал это и не осуждал его. Он знал: уж Шарапов если что решил, то, значит, обдумал основательно.

– Ты на меня не смотри так, Иван, не смотри. Я ведь тоже просился неделю назад. И сам видишь...

– Значит, нет?

– Значит, нет.

– Что ж, я понимаю, дисциплина и все такое...

– Нет, ты еще ничего не понимаешь. Нельзя же нам город-то оголять. Город-то наш? Мы за него в ответе? Иди. Попроси, чтобы из дежурки задержанного привели ко мне в кабинет, вдвоем допросим. А я пока к Смирному зайду.

Придя к себе, Шарапов дернул тугой шпингалет, распахнул створки окна. За всю долгую службу в милиции Иван так и не привык к запаху присутственных мест, этой удивительной комбинации табачного перегара, гуталина, карболки и тлена. Шарапов пытался бороться с ним, даже цветы из дому в горшках принес. Но цветы погибли на третий день, а молодая травка сразу же стала желтой.

– Иван Сергеевич, здорово! – крикнул с порога Муравьев. – Ты прямо здесь спишь, что ли?

– В такой духоте поспишь – мышцы сдохнут.

– А ты, Иван Сергеевич, в противогазе попробуй.

Игорь дернул ящик стола и начал выгребать из него бумаги.

– Так-так... – Он быстро пробежал их глазами, рвал и бросал в корзину. – «В аллеях столбов, по дорогам перронов... – лягушечья прозелень дачных вагонов...» Так... не нужно... И это тоже. Иван Сергеевич, хочешь, я тебе стихи подарю?

– Стихи? Да я их не очень уважаю, Игорь. А ты что, порядок наводишь – дела, что ли, сдаешь?

– «Уже, окунувшись в масло по локоть, рычаг...» Ага... «...начинает акать и окать...» Сдаю... Это нужно... На фронт иду...

– На фронт?

– Именно. «И дым оседает...» Вот как с этим быть?

– Игорь! К Данилову, – приоткрыл дверь Полесов.

– Иду. О... Степа, товарищ старший опер! Ты прямо на парад собрался. – Игорь завистливо оглядел Полесова. – Слушай, давай меняться, ты мне ремень, а я тебе австрийскую кобуру.

– Разбежался! Ну что стоишь, пошли.

– Садитесь. – Голос начальника был сухим и будничным. – Прежде всего я вам один вопрос задам. Вы оба такой документ, как присяга сотрудников рабоче-крестьянской милиции, подписывали? Ну, я вас спрашиваю?

– Подписывали.

– Значит, разговор у нас будет простым. Рапорты ваши у меня в столе. Там они и останутся. Здесь воевать будем...

На столе длинно и резко зазвонил телефон.

– Данилов слушает! Так, пишу. Армянский переулок, дом три, квартира десять. Со двора? Понял. Полесов, – Иван Александрович положил трубку, – эксперта, проводника с собакой! Срочно на выезд. Муравьев, поедешь со мной. Шарапову скажи, чтоб допрашивал один.

На лестничной площадке третьего этажа толпились жильцы: мужчина лет пятидесяти, в грязной нижней рубаше, с очками в металлической оправе на птичьем носу, три женщины в засаленных халатах, с пронзительно-любопытными глазами. У дверей квартиры стоял дворник в белом фартуке.

На ступеньках, прислонясь головой к переплету перил, сидела девушка в милицейской форме. В лице ни кровинки. Рядом старушка с жиденьким пучком волос на затылке держала пузырек с нашатырем.

– Товарищ начальник! – Навстречу Данилову шагнул дворник. Он каким-то шестым чувством определил, что старше всех здесь именно этот человек в полувоенном костюме. – Дворник Спасов. В квартиру никого не пускаю.

– Спасибо, товарищ Спасов. Народу вот многовато...

– Женщины ить, любопытные больно, – виновато улыбнулся дворник.

– Любопытным придется разойтись по квартирам. Что с милиционером? – Данилов кивнул в сторону лестницы.

– Да, товарищ начальник, страсти-то какие. – Одна из женщин вонзила любопытные глаза в Ивана Александровича. – Мы в квартиру зашли...

– А, собственно, зачем вы туда заходили? Забыли чего?

– Как же зачем? – вмешался в разговор мужчина в очках.

«Гриб-мухомор», – подумал Данилов.

– Мы общественность...

– Вы лучше бы за порядком в подъезде следили, а то у вас на лестнице помойка. А это, – Данилов кивнул на дверь, – дело милиции. Разойдитесь по квартирам.

– То есть как? Я, как общественник, обязан информировать...

Данилов обратил внимание на глаза этих людей, полные назойливого любопытства глаза: «Сволочи, сплетники, это из тех, что крупу и соль скупают пудами...»

– Все, – твердо сказал он, – по квартирам. Доктор, займитесь милиционером. Орлов, пускай.

Проводник, стоявший на площадке ниже, отстегнул поводок. Огромная овчарка Найда, черная как ночь, без единой подпалины, деловито, в два прыжка оказалась у дверей.

Прием был старый. Эта категория людей больше всего на свете боялась собак. Площадка вмиг опустела, только старушка осталась рядом с врачом да дворник стоял рядом с Даниловым.

– Что с милиционером?

– Обморок, Иван Александрович, ничего страшного, – судебно-медицинский эксперт Лев Борисович подошел к Данилову, – девчонка...

– Кончили? – спросил Иван Александрович эксперта, осматривавшего дверь.

– Можно.

Они вошли в квартиру. В прихожей резко пахло чем-то горелым. Коридор был темен и казался бесконечным. Данилов пошарил по стене, щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнул матовый фонарь, отделанный бронзой. Две двери вели в комнаты.

Эксперт, посвистывая, возился с дверными ручками.

Данилов слышал, как за спиной порывисто дышал Игорь.

– Муравьев, спокойнее, ты же не девушка. Все?

– Да. – Эксперт отошел к стене.

В комнате, тесно заставленной громоздкой мебелью, на ковре, сшитом из нескольких узких крученых дорожек, лежал человек. Левая рука была неестественно выгнута и подмята телом, рядом с правой, откинутой в сторону, лежал пистолет.

Данилов внимательно оглядел комнату: тяжелые бархатные шторы на окнах; буфет, похожий на замок; черное бюро; инкрустированный перламутром письменный стол, громоздкий, как саркофаг; покрытый пылью чертежный комбайн; шкаф с выбитым зеркалом; еще одно зеркало, наклонно висящее на стене, на полу под ним несколько маленьких блестящих осколков; полуоткрытая дверь в другую комнату...

Иван Александрович шагнул к настенному зеркалу. Несколько минут рассматривал его раму, отделанную стеклянными цветами. Они были необычайно тонки и изящны. Один цветок был отбит начисто. Данилов нагнулся, поднял осколки с пола. Потом снял зеркало со стены, внимательно рассмотрел дырку в обоях и вышел в другую комнату.

Он не хотел смотреть на убитого. Да и ни к чему это было. Он знал убитого. Еще там, в управлении, услышав адрес, он знал, что это Зяма-художник – Зиновий Аркадьевич Грасс – художник-график. В тридцать втором он попался на изготовлении фальшивых документов, брал его тогда Данилов, брал здесь. На суде Грассу дали пять лет. Но ударным трудом на Беломорканале он сократил срок, вернулся, и Иван Александрович все чаще и чаще встречал его рисунки в газетах и журналах.

Вторая комната в квартире, видимо спальня. Почти всю ее занимала огромная кровать с рваным выцветшим балдахином. Кровать, кресло, столик на паучьих ножках и банкетка. Грасс жил холостяком, это было видно сразу.

«Почему-то в холостых квартирах даже пахнет особо», – подумал Данилов.

Он сел в кресло и только теперь увидел тяжелые яловые сапоги у кровати, брезентовый ремень с кобурой на полу, хлопчатобумажную гимнастерку с зелеными петлицами.

Данилов подошел к кровати, поднял гимнастерку. В петлицах старшинские треугольнички, в кармане удостоверение:

«Настоящим удостоверяется, что тов. Грасс З.А. является художником-ретушером газеты «Тревога».

Так, теперь ясно, откуда у него пистолет. Значит, он вошел в эту комнату, взял его, пошел обратно, выстрелил в кого-то, кто стоял рядом с зеркалом... А потом?

Данилов достал папиросу.

А потом? Второй раз ему не дали стрелять. Почему?

Человек не мог прыгнуть на него. Не успел бы просто. Грасс бы попал. Наверняка попал бы. Значит, стреляли дважды. Значит, пуля, убившая его, выпущена из другого пистолета.

– Муравьев! Если можно, принеси мне его «Коровина».

Игорь вошел и положил на стол пистолет. Данилов вынул обойму. Пять патронов. Выходит, убитый стрелял дважды.

– Пулю из стенки вынули, Иван Александрович, из «коровинского» пуля.

– А вот ты, если бы жизнь решил кончать, сначала бы в зеркало палил, а потом в себя?

– Может, он с оружием обращаться не умел?

– Не думаю.

– А может быть, еще у кого-то «коровинский» был?

– Вряд ли. Сюда приходил, видимо, опытный человек. Он и постарался инсценировать самоубийство. Если бы это была случайная ссора, то гость убитого просто ушел бы, вернее, убежал в страхе. Человека убить – дело нешуточное. Значит, второй был опытным в этих делах. А раз так, то подобные люди пистолет Коровина в руки не возьмут. Им эта «пукалка» не нужна. Ты вот от него, я помню, отказался. То-то...

– Любопытное дело, милый Иван Александрович. – В комнату вошел доктор. – У нашего подопечного на затылке гематома.

– На затылке? Ваш вывод?

– Пока преждевременно, но я думаю, не ошибаюсь, вскрытие подтвердит. Убитого сначала оглушили, а потом выстрелили ему в висок.

– А потом кто-то зеркало передвинул, – добавил Игорь. – Оно за два конца веревкой схвачено было. Чуть подвинул – и закрыта дырка...

– Собаку пустили?

– Только что.

– Протокол?

– Полесов пишет.

– Игорь, милиционера и свидетелей сюда пригласи.

В дверь неуверенно постучали, словно поскребли.

– Да. – Данилов наконец вспомнил, что держит во рту незажженную папиросу.

– Товарищ начальник, – на пороге, неуклюже приложив руку к берету, стояла девушка в милицейской форме, – старший милиционер Редечкина...

– Садись, товарищ Редечкина, – Иван Александрович чиркнул спичкой, – садись. Как же ты так?

Девушка покраснела, казалось, кровь вот-вот закапает сквозь щеки.

– По комсомольскому набору?

– Да, пятый день в милиции.

– Раньше где работала?

– В метро, контролером.

– Что ж так? Постовой, а без оружия...

– А я не постовой, товарищ начальник, у меня здесь сестра живет во дворе. Я от нее шла. Вдруг женщина бежит: «Помогите, помогите!» Я за ней.

– Ты соберись и расскажи все по порядку. Только вспомни как следует. Все вспомни, важно это очень.

Девушка опасливо покосилась на открытую дверь в соседнюю комнату:

– Я сейчас. Погодите...

К сестре Алла Редечкина забежала на минутку. Занесла ребятам сахар из своего милицейского пайка. Никого дома не было. Алла достала из-за половицы ключ, открыла дверь и оставила сахар на столе. Она еще немного постояла в комнате. Потом взглянула на часы. Было четверть девятого утра. У нее оставалось целых три часа, и Алла решила подъехать в общежитие к девочкам.

Она вышла во двор, порадовалась, что ей дали отпуск именно в такой солнечный день. «Помогите... А-а-а! Помогите! Милиция!»

Из соседнего подъезда выбежала женщина. Алла только увидела ее лицо и остановившиеся, полные страха глаза. Она еще не успела опомниться, как женщина, схватив ее за рукав, потащила к дверям:

«Скорее, скорее, товарищ милицейская девушка! Там... там...»

На третьем этаже женщина толкнула ее в дверь квартиры: «Там!.. Там!..»

Алла, ничего не понимая, словно автомат шагнула в темный коридор. В глубине его была открыта дверь. Она подошла к ней и заглянула в комнату.

На ковре лежал человек. Босой, в зеленых военных галифе, рядом с ним зловеще поблескивал пистолет, вокруг головы ковер влажно чернел. Что-то липкое подкатилось к горлу, в ушах зазвенело тонко-тонко. В коридоре внезапно стало темно. Хватаясь руками за стену, Алла выбралась на лестничную площадку...

– А во дворе вы никого не заметили?

– Нет, пусто было.

– Ладно, идите. Только в следующий раз не пугайтесь. У нас служба такая.

– Я знаю, извините, – смущенно почти прошептала девушка.

– Ну иди, дочка...

– Стало быть, вы дежурная ПВО?

– Я.

– Ваша фамилия Самойлова, зовут Елена Сергеевна?

– Так, Елена Сергеевна.

– А скажите, уважаемая Елена Сергеевна, в чем заключаются ваши обязанности?

– Если, значит, фашист прилетит, разбудить жильцов в своем подъезде, в убежище их проводить, деткам помочь, там, старухам. Бомбы поджигательные тушить...

– А еще?

– Нести ночное дежурство. У всяких посторонних документы проверять и, если что, милиционера кликнуть.

– Вы все время находились у дверей подъезда?

– Все время.

– Так как же? Никого не было посторонних?

– Никого.

– А что случилось, вы знаете?

– Как не знать, жилец из десятой самострел учинил. Это он из-за нее все.

– Из-за кого?

– Марина у него была. Беленькая такая. Ходила к нему. Что они делали, не скажу, не видела, только часто она у него оставалась. Бывало, ночью вместе приедут на машине, шмыг в парадную и к себе. А потом он ее утром провожает.

– А кроме Марины к Грассу ходил кто-нибудь?

– Много, все его дружки разные. Бывало, идут, а карманы от бутылок рвутся. Безобразить к нему ходили. А он душа простая, добрая, всех пускал.

– А в последнее время?

– Да последнее время его-то и не было. Он ушел в том месяце. На фронт, говорил. Вот только вчера и вернулся в форме и с наганом. «Ты, – говорит, – тетя Лена, меня разбуди в восемь» – и к себе пошел.

– А почему вы в шесть ушли с поста?

– Ах, товарищ начальник, не в шесть – в семь ушла. Гастроном у нас в семь открывают.

– Долго там были?

– Час, наверное, у меня часов-то нет. А домой шла и у ворот двоих военных встретила, они-то мне и сказали, что время пять минут девятого.

– Военные выходили из вашего двора?

– Из нашего. Из ворот.
– Постарайтесь вспомнить их.
– В сапогах хромовых, с ремнями через плечо. У одного, что на часы смотрел, нашивка золотая.

– Какая нашивка, узкая или широкая?
– Широкая, товарищ начальник, страсть какая широкая.
– Вы раньше их не видели?
– Нет, не видела.
– Что дальше?

– Я, конечно, побежала Зиновия Аркадьевича будить. Гляжу, дверь открыта. «Неужто встал?» – думаю. Зашла в комнату, а он лежит. Тут я и побегла на улицу.

– Игорь, – Данилов встал, – дело ясное. Ты сейчас иди в «Вечерку», найди знакомых Грасса, узнай, кто такая Марина. Ты, Степан, с жильцами поговори. Я в управление.

На лестнице Данилов задержался, пропуская санитаров, уносивших убитого. Он прошел сквозь расступившуюся толпу любопытных у подъезда, подошел к машине.

– Извините. – Кто-то тронул его за рукав.

Данилов оглянулся. Перед ним стояла пожилая женщина с пустой авоськой в руках.

– Я хотела вам кое-что сообщить...

– Слушаю вас.

– К гражданину Грассу ходило много разных людей. Журналисты... А три дня назад заходил его сослуживец, подполковник.

– Так, значит, подполковник? Я знаю, летчик?

– Нет, пограничник. Такой интеллигентный, седоватый. Очень жалел, что не застал его.

– У этого подполковника ожог на правой щеке? – внутренне холодея, спросил Данилов.

– Ошибаетесь, у него шрам, белый такой, с левой стороны, здесь. – Женщина провела пальцем от губы до глаза.

Он. Точно он. Широков. Уже в машине Иван Александрович расстегнул крючки воротника. На душе было скверно. Точно так же, как пятнадцать лет назад, когда он в Питере, на Лиговке, потерял след Резаного.

Зачем Широков приходил к Грассу? За деньгами? Может быть, за ценностями? Маловероятно. Ни денег, ни тем более ценностей у убитого не было. Значит, Широкову был нужен Зяма-художник. Но ведь Грасс никогда не связывался с уголовниками. Он делал фальшивые накладные артельщикам, липовые печати на документы, справки. Его «клиентура» была – крупные хозяйственники. Кто же указал Широкову на Грасса? Кто?

В коридоре «Вечерки» пахло керосином. Из-за закрытых дверей вырывался приглушенный стук пишущих машинок, обрывки телефонных разговоров, смех.

В отделе иллюстраций было тихо. Огромное окно распахнуто, за ним в золотистом мареве видны крыши и облезлые церковные маковки. Со стен на Игоря смотрел добрый десяток человеческих лиц. Красивые, строгие и веселые женщины, мужчины с орденами и без таковых, бородатые и бритые, дети.

Из-за стола, заваленного старыми фотографиями, обрезками бумаги, рисунками, газетными полосами, навстречу Муравьеву поднялся человек в синем костюме.

– Я хотел узнать, сотрудничал ли в вашей газете художник Грасс.

– Зяма? Разумеется! Мы с ним гигантские друзья! А с кем имею честь, простите? Смирнов, – представился художник.

– Значит, мне повезло. – Игорь достал из кармана удостоверение.

Смирнов внимательно прочитал его, поднял на посетителя удивленные глаза:

– Нет. Это недоразумение. У него были неприятности, но давно. Он чудный художник. Хороший товарищ.

– Вы его хорошо знали?

– Хорошо – не то слово. Зяма мой лучший друг!

– Значит, мне опять повезло.

– Что? Скажите, что могло с ним случиться? Ах ты господи, Зямка...

Смирнов заметался по кабинету, он был похож на большую птицу.

– Вы сядьте, сядьте, пожалуйста. – Игорь присел на стул. – Дело серьезное.

– Серьезное? – Смирнов сел и сразу же начал перекладывать на столе строчкомеры, пинцеты, ножницы.

– Вы только... В общем, Грасс убит.

Ножницы со звоном упали на пол. Смирнов закрыл лицо руками. Только пальцы мелко вздрагивали.

«Они слишком тонки и красивы для мужчины, – подумал Игорь, – слишком нежны».

Смирнов убрал руки, и Муравьева поразила перемена, происшедшая с этим красивым, не по годам молоджавым лицом. Оно сразу постарело, даже глаза померкли. Перед Муравьевым сидел усталый, больной человек.

– Дайте закурить.

Смирнов неумело взял папиросу, прикурил.

– Зяма звонил мне вчера, сегодня он должен был зайти ко мне с новыми рисунками...

Он замолчал. В комнате повисла тишина, гнетущая и тяжелая.

– Кто мог это сделать? – спросил Смирнов.

– Мы еще не знаем. Вот пришли к вам. Надеюсь, вы поможете.

– Я говорил ему: брось эту женщину. Брось!

– Вы имеете в виду Марину?

– Да, Марину Флерову.

– Кто она такая?

– Как вам сказать? Знаете ли, есть категория женщин, красивых, умных, свободных. У них огромный круг знакомых и необычайная жадность к развлечениям. Они не думают, как и где живут. Они просто живут, легко и свободно. Такие обычно нравятся занятым мужчинам. Дайте спички, пожалуйста. – Смирнов снова прикурил. – Марина такая. Немного пишет, чуть рисует, немного снимает, немного поет, снимается в кино... в эпизодах, разумеется. Всего понемногу и – ничего. У нее открытый дом. Народу полно. Можно приехать в полночь, за полночь.

– Она давно знакома с Грассом?

– Да, года три. Он для нее – убежище. Это она говорит... Устав от кутежей, разочаровавшись в очередном увлечении, она убегала к Зяме. Марина называла это – «стать на душевный ремонт». А он терпел, терпел и ждал.

– Вы говорили, что у нее открытый дом? Если я вас правильно понял, к ней мог приходиться любой, даже малознакомый человек?

– Да, вы правильно поняли.

– А что вы скажете о людях, которые у нее бывали?

– Всякие. – Смирнов вздохнул. – Наш брат журналист, киношники, актеры. Всякие. А бывает, компания эдаких молодчиков придет... Хватких таких, разодетых, с короткими пальцами в кольцах. Молчаливые, только пьют да похохатывают. Я их не люблю. Денег у них много.

– А где живет Флерова, знаете?

– Да, конечно.

Данилов

Телефон зазвонил.

– Ты погоди, не части так. Погоди! – Данилов взял трубку. – Данилов слушает. Молодец, Игорь, ты сначала сюда приезжай, а потом уже к мадам поедешь. Давай, жду. Ну, так как будем? – Иван Александрович отодвинул телефон. – Как будем, я спрашиваю, дальше жить? А, Михаил?

– Как люди, как все люди. Я же завязал.

– Это я знаю, читал твое заявление. Ты лучше скажи, зачем ко мне пришел?

– Так военком же...

– А ты думал, Костров, что военком тебе сразу два кубаря даст? Как я помню, ты в тридцать седьмом его квартиру побеспокоил...

– Так...

– Нет, брат, ты что-то недоговариваешь.

– Я, Иван Александрович, перед вами как на духу...

– Так зачем ты себе дело в Грохольском приписал? А? Ты же был домушник, а тут разбойное нападение. Да еще пишешь, что завязал?

Мишка Костров заерзал на стуле. Он сидел в кабинете уже битый час. Здоровый, большерукий. Неспокоен был Мишка, ох неспокоен. Где-то в глубине глаз прятался страх.

– Так мы с тобой не сталкиваемся. В Грохольском работал не ты. Работал там Влас. Он сейчас в Таганке суда ждет. А вот зачем тебе это дело брать?

Мишка молчал.

– А я знаю. Ты домой идти боишься. Лучше в тюрьму, чем домой. Верно?

– Сажай, Иван Александрович. Хочешь, все нераскрытые квартиры возьму?

– Все? До одной?

– Все...

– Ишь благодетель. Ты мне квартиры, а я тебя в КПЗ. Так? Молчишь... А правда где? Мы для чего здесь сидим? Мы закон охраняем. А закон и есть правда. Ты лучше расскажи, зачем пришел? Может, я тебе помогу.

– Честно?

– Ты, Миша, мое слово знаешь.

– Боюсь я домой, Иван Александрович. Ритку с дитем утром к матери в Зарайск отправил. Сам сюда: или на фронт, или в тюрьму, только не домой.

– Кто приходил? Кто?

– Мышь.

– Как – Мышь?.. Лебедев?

– Он.

– Зачем?

– Пришел ночью, дверь отмычкой отомкнул, поднял меня. Послезавтра, говорит, чтоб у Авдотьи был.

– В Малом Ботаническом?

– Там. Не придешь, и тебя и Ритку с Надькой – на ножи, так, говорит. Резаный велел.

– Ясно. А что еще?

– Найди, говорит, Пахома, чтоб тоже был. Я утром к вам. С Резаным, знаете сами, не пошутить.

– Знаю, ты пока подожди в коридоре, я тебя позову.

Ну, что будем делать, Данилов? Что делать-то будем? Значит, появился в Москве Широков. Ох, не вовремя он появился. А впрочем, когда Резаный был ко времени? Лежит на столе пачка. На истертом корешке штамп наискось – «Архив». Вот тебе и архив! Как же вы там, братцы-иркутяне, а? Жив Широков. Сколько лет орудует, и ни одного задержания.

А память, память крутит ленту воспоминаний. Двадцать пятый год. Саратов. Тогда ты приехал в город вместе с ребятами из бандотдела помочь местным чекистам обезвредить особо опасную группу. Помнишь?

Данилов проснулся оттого, что почувствовал: кто-то стоит над кроватью и внимательно разглядывает его.

В комнате было по-рассветному серо, за окном хлестал по крышам дождь. Первое, что он увидел, – глаза. Холодные, большие, синие глаза. Они смотрели на него требовательно, по-хозяйски. Около кровати стоял человек в кожаной куртке, щеголеватых бриджах и сапогах.

«Значит, ты и есть Данилов?»

Иван вскочил, сунул руку под подушку.

«Лежи, лежи. Пистолетик твой я забрал. Больно крепко спишь, уполномоченный. Фамилия моя Широков. Для ясности – поручик Широков».

Иван закрыл глаза и застонал от стыда и бессилия.

«Не надо нервничать. Ты же хотел меня увидеть? За этим из Москвы приехал? Смотри. Вот я весь». Широков левой рукой снял фуражку.

Седой, большеглазый, худощавый, похожий на киноактера Альфреда Менжу, стоял он перед Иваном, поигрывая его именным маузером.

«Запомнил, уполномоченный? Прощай, братец!»

Иван увидел, как из черной пустоты ствола вырвалась бесконечно длинная огненная игра и ударила его в грудь, слева, там, где сердце. Потом уже хирург сказал ему: «На полмиллиметра повыше, батенька, и все».

Широков, Широков... Бандит, никогда не грабивший частных лиц. Только инкассаторов, сберкассы, налеты на транспорты с золотом.

Впрочем, он допустил несколько исключений из этого правила. Да. Точно. Грабеж церкви. В тридцатом, тридцать третьем и, если не ошибся, в тридцать седьмом, здесь в Москве, попытка... Церковь... Зяма-художник... Любопытно. Любопытно. Нет, погоди, причем здесь Зяма? Какое отношение имеет газетный график к церкви? Вроде никакого? Но все же это версия... А может быть, Широков приходил к Зяме за документами? Нет. Не может быть. Зяма работал с артельщиками, а это совсем другой мир. Да и у Широкова есть люди для подобных дел. Другие люди. Совсем другие.

И тут почему-то Данилов вспомнил отца. Старик работал лесничим под Брянском. Последний раз он видел его два года назад. В июне. Ему дали отпуск, и они с Наташей поехали к старикам. В Москве накупили вина, икры, рыбы, сухой колбасы. Кучу никому не нужных подарков. Наташа всегда покупала самые неожиданные вещи: то часы с боем, возраст которых нельзя было определить, то прибор для сбивки мороженого, то духовой утюг.

Потом они со стариком бродили в лесу, и Данилов радовался, что вот какой у него отец крепкий еще. А он показывал сыну лес, словно знакомил с людьми, потом привел его на лесопитомник и показал двухлетние сосны, трогательные в своей беспомощности, похожие на молодую травку. Но все-таки это были сосны, и на них можно было сосчитать иголки. Все, до одной.

Здесь у питомника они выпили водки, которую отец захватил с собой. Пили по очереди из кружки, закусывая солеными крепкими огурцами. Остро пахла хвоя, и роса была холод-

ная. Он собирал росу в ладони, слизывал языком, и ему казалось, что вместе с ней в него входит свежесть и сила. А старик сидел напротив, курил и молча улыбался.

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет ввалился запыхавшийся Муравьев:

– Иван Александрович!

Данилов молча, выжидаяще разглядывал Игоря.

– Иван Александрович, я...

– Ты пока еще помощник уполномоченного, а не начальник розыска. Уяснил?

– Уяснил.

– Так что из этого следует?

– Я, товарищ начальник, эту бабу наколол.

– Так...

– Вы дайте мне ее взять и ордер для шмона, а потом она расколется как орех.

– Так... – угрожающе произнес Данилов. – Ты кто, работник милиции или вор? Еще раз услышу – пять суток ареста. Сядь, воды выпей и докладывай по-человечески.

– Я узнал, кто эта женщина. – Игорь вздохнул. – Флерова Марина Алексеевна. Проживает на Делегатской.

– Понятно. Поедешь к ней. У меня пока версий определенных нет. Ясно одно – работа Широкова. Да, да. Не удивляйся, именно Широкова. Он жив. В разговоре с Флеровой нажми на церковь. Любые ее связи с церковью. Понял?

Когда Муравьев вышел, Данилов глубоко вздохнул и задумался. Ему опять предстоял сложный разговор с Мишкой Костровым.

– Ты меня слушай, Миша. Внимательно слушай. Ну кого ты боишься? Мрази, Резаного, бандита, бывшего поручика. Да он ведь даже и поручиком-то не был. Юнкер недоучившийся. Он чем силен-то, чем? Страхом твоим да других. А как его перестанешь бояться – он слаб становится, совсем слаб.

Молчание.

– Молчишь. На фронт пойти не боишься, а здесь... Здесь тоже фронт. Резаный не зря в Москве объявился именно тогда, когда немцы наступают. Ты пойми это, Михаил. Для нас Резаный такой же враг, как и немцы. Вот сегодня он человека убил. А тот человек на фронт ехал, драться ехал. Понял? Он еще многих убьет, если его не взять. Зачем он просил найти Пахома, как думаешь? Пахом мастер. Значит, Резаному инструмент нужен. А для чего? Ну, что молчишь? Боишься? Да... здесь тот же фронт!

– Я не боюсь, я о другом думаю...

– А, кодекс воровской чести? Нет его. У всех у нас один кодекс – гражданственность. По ней мерить свои поступки надо. Смотри. – Данилов подошел к карте. – Смотри, немцы вот уже куда пришли. Об этом подумай, а не о дружках своих бывших.

Зазвонил телефон: Данилова вызывал начальник МУРа.

Иван Александрович вошел в кабинет и остановился на пороге. Начальник сидел, закрыв глаза. Данилов осторожно кашлянул.

– Я не сплю, глаза просто устали. Заходи.

– Вы бы настольную лампу включили.

– Не люблю. Садись, Иван Александрович.

Спокойно, даже слишком спокойно, Данилов начал докладывать об убийстве в Армянском переулке. Начальник не перебивал. Он сидел, закрыв глаза, откинувшись на спинку кресла. Молчал, молчал все время. Даже тогда, когда слышал о Широкове.

Иван Александрович закончил доклад. В комнате воцарилось молчание, только старые часы в углу астматически хрипло отсчитывали секунды.

– Плохо дело, Иван, – начальник открыл глаза, – совсем плохо дело. Ты не ошибся?

– Точно он.

– Широков... Широков. Просто не верится. Неужели опять появился? Не забывай, что Широков не просто бандит. Это преступник с политической окраской. И если он появился в Москве в такое время, значит, это не просто так.

Начальник снова закрыл глаза. Часы в углу закрипели и медленно, натужно начали бить. Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь...

Потом они замолкли, и внезапно комнату наполнил чистый, светлый звук, будто где-то зазвенела тонкая струна.

Начальник улыбнулся:

– Слышишь? Вот за это их и держу... Приказываю. Создать группу по отработке версии Широкова. Старший – ты, твои помощники – Муравьев, Шарапов, Полесов. Будет трудно, подкину еще людей. О Широкове надо сообщить в госбезопасность.

Начальник поднял телефонную трубку.

Потапов

«Ох грехи, грехи наши тяжкие. Время смутное, бесовское. Разбойное время!»

Отец Георгий шел привычной тропкой вдоль кладбища. Оно походило на город. Здесь были свой центр и своя окраина. В центре стояли внушительные часовни. Тут господствовали мрамор и золото. В центре этого города вечного покоя нашли последнее пристанище купцы первых двух гильдий, действительные статские советники, инженеры горные и путейские. Чуть поодаль – целый квартал занимали генералы и кавалеры орденов... Могилы военных украшали кони, барабаны, пушки, кивера.

Могилы артистов, художников, поэтов были легкомысленно украшены каменными и гипсовыми цветами, виньетками, палитрами и лирами. Этот квартал отец Георгий не любил. Особенно часовню поэта Есенина. Нередко приходили сюда пьяные любители изящной словесности. Пили водку, пели, плакали, писали на памятнике стихи. Особенно досаждал священнику студент Владислав Арбатский. Он почти каждую ночь приезжал и безобразничал. Но сейчас исчез, видимо, в армию забрали.

Каждый вечер отец Георгий гулял по улицам города печали. Он не боялся мертвых, он шел мимо могил, читал даже в темноте надписи на памятниках. Это были привычные для него люди. Привычны были и чины. Он словно видел их живыми: в мундирах, манишках, сюртуках дорогого сукна.

Дома отец Георгий аккуратно снял облачение, повесил его в шкаф на плечики, расправил складки тяжелой рясы. Затем он накинул на плечи расписной китайский халат и отправился в ванную. Подставляя под струи воды свое еще крепкое, холеное тело, он покрикивал от удовольствия, притопывал ногами и довольно громко напевал невесть каким образом пришедшую на память песню своей бурной молодости. Собственно, слов той песни он уже не помнил, в голове вертелись лишь строчки: «Степь, пробитая пулями, обнимала меня...» Ее-то и напевал теперь отец Георгий в разных вариантах, и его красивый густой баритон доносился до кухни, где супруга, Екатерина Ивановна, готовила легкую закуску. Она покачивала головой, отмечая про себя, как это мирское столь быстро вытесняет у батюшки божественное.

Она была воспитана в строгой вере и с глубоким почтением относилась не только ко всему, имеющему непосредственное отношение к отправлению церковной службы, но строга была и непримирима и тогда, когда, как ей казалось, нарушаются устоявшиеся законы семейной добропорядочной жизни. Так было до ее замужества в тихом Тамбове, в отцовской семье. Ничто тогда не нарушало главного течения жизни – ни революция, ни последовавшая за ней война, ни разгул антоновщины. В степенной семье тамбовского иерея не было места революциям. Первое смятение пришло в образе крепкого, немногословного, хмурого

мужчины, на лице которого бурное время оставило свой неизгладимый отпечаток: у него была прострелена щека, и он, когда волновался, слегка заикался и картавил. Судя по немногословным рассказам, жизнь потаскала его по городам и весям, приходилось ему бывать и заметной фигурой в политической игре, а нынче он решил отойти от политики и создать свое собственное гнездо, обратившись к Богу.

Вместе с ним ворвались в жизнь Екатерины Ивановны и тревоги того времени. Отец и новый постоялец подолгу тихо беседовали за накрепко запертой дверью отцовского кабинета. Приходили к ним какие-то незаметные люди и так же незаметно исчезали. Но затем все вошло в свою обычную колею. Она привыкла к гостю, к преследующей ее хмурой улыбке и даже не удивилась, когда однажды он сделал ей предложение, а отец с легкостью благословил их. Как-никак у гостя имелся довольно крупный капитал, и не в бумажках, а в довольно-таки твердой валюте. Видно, у мужчин была своя договоренность о будущем Екатерины Ивановны. Несколько позже благодаря отцу ее супруг стал священником в подмосковном селе Никольском. Оттуда уж и перевели супруга в Ваганьковскую церковь.

Судьба складывалась удачно. Впереди, опять-таки благодаря старым связям отца и усердию новоиспеченного батюшки, открывались широкие перспективы на пути служению Господу. Одно только смущало Екатерину Ивановну – вот это самое мирское, от чего никак не мог, да, видно, и не хотел отказываться отец Георгий. Она вздохнула и понесла в столовую закуски.

Отец Георгий старательно расчесал старинным гребнем длинные волосы, бороду, слегка подправил усы и, еще раз внимательно осмотрев себя в зеркале, остался доволен. Вот уже к пятидесяти, а лицо свежее, без морщинки. И все оттого, что он умеет пользоваться жизнью. Никаких излишеств – и потому всегда в форме. «А если эта рука, – он вытянул руку, сжал и разжал кисть, – возьмет саблю, то о-го-го! – мы еще посмотрим, кто сумеет устоять против славного потаповского удара».

Он закутался в халат, подпоясался шелковым шнуром и, сунув ноги в тапочки, отправился в столовую.

– «Степь, прошитая пулями...» – снова запел он, входя. – Н-ну, матушка, чем вы сегодня порадуете страждущего? Посмотрим, посмотрим...

Он подошел к буфету, открыл дверцу и достал хрустальный, оправленный серебром графин. Открыл пробку, долго принюхивался к содержимому, потом сказал:

– Отменно, матушка. В самый раз настоялась! Заготовил для большого праздника, ну да уж Господь простит, отведаю нынче.

Он выпил, смакуя, рюмку настойки, стал медленно закусывать, развалился на стуле.

– Да, любезная Екатерина Ивановна, – продолжал он свою речь, – скоро, скоро наступит большой праздник для нас с вами. И достигнет известный вам отец Георгий высот немалых. И снова, как прежде, много скажет знающим людям имя Сергея Владимировича Потапова.

– Уж не собираешься ли ты, – сказала жена с усмешкой, – отойти от церкви? Мирское потянуло?

– Ну что ты, что ты! – засмеялся он. – Большие перемены грядут, и нам готовить к ним паству. От знающих людей слышал – готовятся серьезные перемены...

Этих перемен он ждал всю жизнь. Будучи человеком опытным, он сумел прикрыть свое прошлое такими одеждами, что, пожалуй, ни у кого, даже у его собственной жены, оно не вызывало сомнений.

Что знали о нем? Сергей Владимирович Потапов. Происходит из приказчиков. В свое время закончил школу прапорщиков. Мечта об офицерских погонах была у него, по существу, мечтой выбиться в люди. Однако карты, все заранее распланированное будущее смешала Октябрьская революция. Многие в ту пору слабо разбирались в нахлынувших собы-

тиях, не разобрался вовремя и он... Ушел на Дон, а после прихода в Ростов Буденного понял наконец, на чью сторону склоняется фортуна. Испугался расправы скорых на руку «товарищей» и ушел со старыми своими документами подальше, в глубинку российскую. Увидев, что новый порядок пришел надолго, если не навсегда, решил, что надо служить ему. Встретил на тернистом пути своих исканий добрых людей, те помогли ему найти дорогу. Оказалась та дорога служением Богу. Вот, пожалуй, и все. Не ведая за собой особых грехов против советской власти, он не считал даже необходимым сменить фамилию, что в двадцатых годах сделать было проще простого. Честность перед Богом и собой – вот его основной принцип. Принципы уважают. Даже ошибаясь, можно рассчитывать на снисхождение. Его праведное настоящее испукало с лихвой ошибки незрелой молодости. Все почти так и было.

Но иногда, то ли под действием хмеля, то ли в предвидении наступающих потрясений, прорывалось в нем то, прежнее, томительно-сладкое желание «выбиться в люди». Нет, он не считал, что ему крупно не повезло в жизни, просто он готовил себя для иной, более возвышенной роли.

Все, что говорилось им на исповеди, – решительно все верно. И он не устал это подчеркивать. Но была у Сергея Владимировича и вторая жизнь.

Было так. И школа прапорщиков, и мечта о погонах. В смутные дни между Февралем и Октябрем семнадцатого года вступил он в ударный отряд – ловил и пускал в расход дезертиров. В те дни носил на рукаве белый череп и трехцветную нашивку. Форма шла ему. После Октября перебрался на Дон, к генералу Краснову. Вот там-то и состоялась памятная до сих пор встреча. Сергей Владимирович и сам роста немалого, но на барона фон Мантейфеля смотрел снизу вверх, смотрел с почтением и преданностью. Ротмистр фон Мантейфель был начальником разведки немецкого экспедиционного корпуса, и связи его со штабом генерала Краснова оказались довольно-таки тесными.

Ему не давали сложных или трудновыполнимых поручений. Так, по мелочам. Но платили исправно, с немецкой щепетильностью. Война есть война, и вскоре капитан Сергей Владимирович Потапов за храбрость и особое усердие был представлен к офицерскому Георгию, который получить так и не успел. Может быть, в память об этой первой награде и изменил имя, став отцом Георгием. У него был, как говорили, очень уравновешенный и спокойный характер. Никто, пожалуй, в контрразведке не умел так чисто проводить допросы. И в конце концов, кто-то же должен был заниматься черновой работой. Он отменно делал допрашиваемым «маникюр», то есть загонял под ногти иголки, добивал уже ненужных пленных. Разумеется, не у всех его работа вызывала сочувствие или просто элементарную приязнь. Находились такие, что и здоровались с брезгливым равнодушием. Однако своим трезвым, практическим умом он не одобрял подобных интеллигентов и внутренне презирал их за слабость и неустойчивость характера. Может быть, потому и крушение Деникина воспринял спокойно, без трагедии, не пустил себе в отчаянии пулю в лоб, а вместе с напарником, вахмистром из юнкеров Широковым, тоже основательно «запачканным» в контрразведке, подался в среднюю Россию, к людям таким же спокойным и основательным. Еще в прежние времена он не стремился особенно попадаться на глаза начальству, не лез в герои, оттого, наверно, и остался незамеченным.

На Тамбовщину попал в трудное время. К счастью своему, не послушался Широкова и к эсеровскому мятежу не примкнул. Он рассудил, что теперь не время участвовать в делах сомнительных и недолговечных. Пора пришла оседать в жизни крепко и надолго, благо какой-никакой, а капиталец имелся. По новым временам полагалось вести себя тихо, как мышь. Он помнил совет отца: мышь сперва норку прогрызет, маленькую дырочку, а уж потом начинает туда сахар таскать. Главное – проделать дырочку...

И Потапов нашел свою норку. Он не терял связи с бывшим сослуживцем – мало ли что может случиться! – но и не афишировал своего знакомства.

Он уже стал забывать свое прошлое, но оно само напомнило о себе. В Никольском это было. Исповедовал приезжего человека. Дело было привычное. А тот возьми да и скажи: мол, нет ли у вас, батюшка, маленькой дырочки вот тут, и показал на правую щеку. Потапов машинально схватился рукой за бывшую рану, что скрыта была бородой. Спросил враз охрипшим голосом, откуда ведомо про то незнакомому человеку. Тот тихо улыбнулся и попросил батюшку уделить ему несколько минут там, где сам считает возможным. Потапов пригласил незнакомца к себе домой. Жены не было, они остались вдвоем.

Да, прошлое возвращалось. А, собственно, почему он думал, будто о нем забыли? Какие у него на то были основания?

А рану эту Потапов получил во время одного из свиданий с бароном. Кто-то стрелял из темноты. Потапов потом с месяц провалялся в госпитале, кормили черт-те чем, прости господи. Щека долго не заживала. Барон шутил, что отныне эта метка и станет паролем. Вечным паролем. Хмуро шутил барон.

Незнакомец оказался необщительным человеком, отказался от обеда, даже рюмочку предложенной не принял. Передал довольно толстую пачку денег и бумажку, где было написано лишь одно слово: «Жди».

Потапов начал осторожно выяснять, от кого, мол, подобное благодеяние и не употребить ли его на церковные нужды. Незнакомец усмехнулся, оглядел вполне приличное жилье Потапова и наконец сказал, что деньгами батюшка может распоряжаться по своему усмотрению, на них ничего не написано, однако их общий знакомый, который никогда не забывал одного драматического вечера – тут незнакомец снова ткнул себя пальцем в правую щеку, – полагает, что святой отец сам найдет этим деньгам нужное применение.

– Это уж не высокий ли такой? С седыми висками? – снова допытывался Потапов.

– Может быть, и он, – уклончиво ответил посетитель.

Они распрощались, и больше Потапов его никогда не встречал и никаких известий ни от кого не получал. Было то в тридцать четвертом году. Считай, семь лет назад. И стал он ждать.

Потапов решил: пока суд да дело, не лежать же деньгам без пользы. Дал нужному человеку. Процент положил небольшой, чтобы убытку не терпеть. Так и пошло. От того верного человека пришел посыльный, принес кой-чего по мелочи, в основном золотишко. Оно удобно – много места не занимает. Опять-таки приход был у отца Георгия не очень богатый, надо было думать и о будущем. В общем, организовалось небольшое, но верное дело. Божий человек приносил под покровом ночи привет от общего знакомого, а отец Георгий принимал дары по установленной цене, иногда ссужал деньгами в счет будущих дел...

Отец Георгий потихоньку попивал свою настоечку, а в голове его бродила фраза из старого романа, что так любили петь молодые офицеры, заливая свою безумную тоску неочищенным самогоном: «Степь, прошитая пулями, обнимала меня...»

Настоечка подходила к концу, и минорное настроение отца Георгия откровенно усиливалось. Уже Екатерина Ивановна не раз напоминала, не пора ли отдохнуть от трудов праведных, однако батюшка и не думал отрываться от графинчика. Время от времени он поднимал указательный палец и бормотал: «Перемены», потом он сказал: «Смоленск» – и почему-то с пафосом продекламировал: «Гибнет Русская земля под пятою супостата» – и усмехнулся. Матушка осуждающе покачала головой:

– Ох, отец, не доведет тебя твой язык до добра. Эк наклюкался! Бога ты не боишься. Шел бы в постель от греха...

– Не боюсь греха! – снова заговорил отец Георгий. – Великие перемены грядут! Великие... Русь велика, и никакие бароны... – Он осекся. – И впрямь пора на отдых. Ко мне нынче божьи люди не приходили? – спросил осторожно.

– Да коли и придут, как ты беседовать-то станешь в этаком-то виде?

– Божьим словом, мать, Божьим словом...

– Эх тебя развезло, – сочувственно сказала жена, заботливо поддерживая мужа. – Поди, десятый час уже. Обопрись-ка на меня, провожу.

Халат на отце Георгии распахнулся, тапочки он забыл под столом. Покачиваясь, пошел он в спальню, рукой отстранил жену, сказал:

– Если кто придет, зови без промедления. Времена нынче тяжелые, доход уменьшается. Ко всему надо быть готовым. Так что сразу буди. Нынче каждое Божье слово...

У себя в комнате отец Георгий прилег не раздеваясь. Пошарил в кармане и вынул часы с боем. Надавил на кнопку. Куранты проиграли восемь раз. Спать не хотелось. Потапов лежал и думал. Думал о том, что вчера опять заходил Широков. Он вспоминал перекошенное ненавистью лицо бывшего сослуживца, его свистящий шепот.

«Надо сдерживать Андрея, сдерживать, – напылит, настреляет... Подымет шум – и конец».

Потапов встал с постели, зажег свечу, подошел к письменному столу. Пошарил пальцами сбоку тумбы, нажал на деревянный завиток, и тумба повернулась обратной стороной. В ней давно еще сделал он секретный шкаф. Сунул в него руку и вытащил вороненый офицерский наган, самовзвод с укороченным стволом.

Потапов бережно положил его на стол. Свет свечи заиграл на черном масляном стволе. И показалось вдруг Потапову, что где-то далеко зацокали копыта лошадей и снова песня грянула, лихая, с присвистом: «Степь, прошитая пулями, обнимала меня...»

В окно постучали резко и требовательно. Отец Георгий встал, сунул наган в карман брюк, дунул на свечу. Потом подошел к окну и поднял светомаскировочную штору.

За темнотой стекла еле различалось светлое пятно человеческого лица.

– Кто? – спросил Потапов.

– Мне бы отца Георгия.

– Это я буду.

– Пусти, отче, с приветом я от старого друга твоего из Ростова.

Потапов похолодел. Неужели вспомнили? Но мало ли кто может ходить под окнами ночью?.. Правой рукой нащупал наган в кармане, левой распахнул окно.

– Ну что, отец Георгий, в дом не зовешь? Или боишься?

– Святость моя, уважаемый гражданин, оберегает меня от лиходеев. А в дом приглашу...

Они сидели за столом. Потапов внимательно разглядывал позднего гостя. Только что тот положил перед ним половинку креста – условный пароль с тех далеких лет.

Гость от выпивки отказался, зато ел жадно.

Потапов смотрел на него и думал, что в лице незнакомца есть что-то собачье, тяжелая нижняя челюсть, что ли...

Наконец гость отодвинул тарелку, закурил, блаженно откинувшись на стуле.

«Сейчас начнется главное, сейчас», – понял отец Георгий. Что принес ему визит этого человека? Об этом он не знал. Ясно было одно: окончилось, навсегда окончилось спокойное житье, с домашними настоечками и соленьями... И Потапову вдруг стало страшно. Он вспомнил бешеный грохот копыт по улицам Ростова, всадников в островерхих шлемах. Матово-блестящие шашки. Пальцы его до сих пор помнили неподатливую упругость срываемых с кителя погон.

– Бойтесь?

Отец Георгий похолодел: гость словно читал его мысли.

– Нет, не боюсь.

– Так вот, святой отец, наступило время действия.

Потапов истово перекрестился.

– Вы должны помочь нам. Подполковник фон Мантейфель надеется, что именно вы сделаете это.

– В чем же помощь моя выразиться должна?

– У вас есть связи с уголовным миром...

– Какие там связи...

– Есть. Мы знаем точно. Надо создать хорошо вооруженную группу. Ее задача – сеять панику, грабить магазины, ночами, во время бомбежек, подавать сигналы ракетами. Помните: грабеж, ракеты, слухи – это все должно создавать панику, деморализовывать большевиков. У армии, защищающей Москву, не должно быть прочного тыла. И еще одно. В городе много ценных произведений искусства: картины, скульптуры, чеканка, церковная утварь, иконы. Все это, безусловно, начнут эвакуировать. Помешать!

– Как же мы сможем? Ведь в одной Третьяковке да в Музее изобразительных искусств сколько ценностей!..

– А я и не прошу все. Что сможете. Вы священник, вот и займитесь церковными делами.

– Ну, если так... – протянул Потапов. А мысли его работали уже с лихорадочной быстротой.

Откуда немцам знать о церковных ценностях? Взять их самому, а в одной только Николе на Песках – на многие тысячи. Покупатель всегда найдется.

– Вы задумались. Что, задание слишком сложно?

– Да, не легко. НКВД свирепствует. А люди... Сами знаете, люди деньги любят. Откуда они, деньги-то, у бедного священника?

– С этого и надо начинать. Деньги, оружие, ракетницы, ракеты получите сейчас же. Пойдемте со мной.

Гость встал. Потапов вслед за ним вышел на улицу, и они отправились к кладбищу. Отец Георгий подивился, как хорошо этот человек знает все аллеи и тропочки. На окраине города мертвый гость подошел к полуразвалившейся часовне, открыл дверь. В лицо пахло сыростью и плесенью.

– Здесь!

Незнакомец зажег карманный фонарь. Пошарил лучом. Тонкая полоска света пробежала по выбитым кирпичам и остановилась в углу, на куче камней.

– Помогите-ка мне. – Гость отодвинул камни. Под ними были два чемодана.

Потапов с трудом поднял один. Чемодан оказался очень тяжелым.

– Пошли.

На этот раз тишина над кладбищем казалась Потапову зловещей. Кресты и могильные камни могли обернуться засадой.

– Ну что вы стоите! – недовольно бросил гость. – У меня мало времени, пошли!

– Погодите...

Тихо. Только слабый ветер чуть слышно перебирает листву деревьев над головой.

– Бойтесь? – Потапову показалось, что гость улыбнулся.

– Нет.

– Пошли!

Они шли быстро, не останавливаясь. Только войдя в калитку и поставив на землю оттянувший руку чемодан, Потапов облегченно вздохнул: пронесло.

– Теперь слушайте меня внимательно...

Незнакомец не успел кончить фразы. Где-то совсем рядом пронзительно взвыла сирена. Ей откликнулись паровозы на Белорусском. Тревога! Город к ним уже привык. Почти каждый вечер репродукторы на минуту замолкали, а потом бросали в настороженную

тишину: «Граждане, воздушная тревога!» Но через некоторое время по радио давали отбой, и люди спокойно расходились по домам. Тревоги в Москве стали такой же обыденностью, как стекла, крест-накрест заклеенные бумагой, маскировочные шторы на окнах, неосвещенные трамваи и троллейбусы по вечерам.

Но на этот раз все было иначе. На небе сошлись белые лучи прожектора. И вдруг где-то совсем рядом ударил, захлебываясь, пулемет.

– Налет! – Гость схватил Потапова за руку. – Скорее!

Он рванул замок чемодана. Наконец крышка открылась, и отец Георгий увидел длинные, похожие на патроны к охотничьему ружью гильзы. Поверх них лежали большие черные пистолеты.

– Берите один. Пользоваться ракетницей умеете? Прячьте чемоданы! Пошли!

Они бежали через кусты, по могилам. Сучья били их по лицу, под ногами путалась трава и цветы. Вдруг гость, ломая кустарник, тяжело рухнул на штакетник могильной ограды.

– О... ферфлюхте люд ер! – выругался он сквозь зубы и сразу же вскочил на ноги.

Немец. Точно, немец.

Они остановились у забора кладбища.

– Где железная дорога? – хрипло спросил гость.

– Вон там. – Потапов протянул руку.

Гость переломил ракетницу, вставил патрон и выстрелил в указанную сторону.

Ракета рассыпала зеленый огонь почти над самым Белорусским вокзалом...

Данилов и Костров

Данилов ушел к начальнику, а Мишка разыскал в полумраке жесткий деревянный диван. Ох как хорошо он был знаком Кострову! Каждый раз, когда его приводили в МУР, он ожидал допроса на этом диване.

Синие лампочки почти не освещали коридора. Изредка мимо Мишки проходили сотрудники управления. Лица их он не различал, а они просто не видели его. До Кострова доносились обрывки разговоров. И разговоры эти были деловиты и тревожны. В этом коридоре только он один оказался лишним и чужим для этих невероятно загруженных людей.

Утром этого дня, придя на Петровку, он еще толком не знал, о чем будет говорить с Даниловым. Когда ночью к нему пришел Лебедев и, цыкая после каждого слова больным зубом, подмигивая и усмехаясь, передал Мишке приказ Резаного, Кострова охватил ужас. Нет, он сам не боялся Широкова, хотя знал, что шутить с этим человеком не рекомендуется. Он испугался за жену и дочь.

Полтора года назад Мишка вернулся из тюрьмы и, не заходя домой, поехал к Данилову.

– А, это ты, Костров, – сказал Иван Александрович так, будто не было долгих двух лет после их последней встречи. – Ну заходи, заходи. Давно в Москве?

– Только с поезда.

– И значит, сразу ко мне.

– Значит, сразу к вам.

– Просто так или дело какое есть?

– Есть у меня дело, – сказал Мишка, – есть. Специальность в лагере получил. Знатную специальность – дизелиста. Поэтому желаю дальше работать именно по этой специальности, а не по какой-нибудь другой.

– Так, – отозвался Данилов, – так, Миша. Значит, сам понял, что нельзя по-старому жить. Значит, нужно тебя на работу устраивать.

Мишка тогда ничего не сказал Данилову. А сказать хотелось очень многое. Пять последних месяцев он готовился к этому разговору, продумал его до мельчайших подробностей, а придя, сказал всего несколько слов. То многое так и осталось в подтексте их беседы. И оба поняли это. Уж слишком давно они знали друг друга.

Мишкина жизнь складывалась нелепо и недобро. Она могла развиваться до конца по стереотипу многих таких же жизней, начавшихся в годы послевоенной разрухи. Беспризорщина, воровство, домзаки и колонии. Но ему повезло: он встретил на своем пути человека, перед которым всегда стоял светлый пример Феликса Эдмундовича Дзержинского. Данилов тоже твердо верил, что нет неисправимых людей.

Через десять дней Мишка работал дизелистом в экспедиции, которая искала в Подмосковье артезианские скважины. Работа была веселая, кочевая. С апреля по ноябрь в поле. А зимой приходилось тяжело. Нет-нет да и навещают старые дружки. Однажды Мишка чуть не сорвался, когда Володька Косой стал, смеясь, упрекать его в трусости. Но все же выдержал...

И вот сейчас, сидя в темноте, Мишка вспомнил всю свою прошедшую жизнь, которая, кроме этих последних лет, состояла из драк, пьянок и была насквозь пронизана страхом наказания.

Приход Лебедева он воспринял как возвращение к прошлому и понимал, что, став теперь другим человеком, он не сможет жить так, как жил раньше. Но вместе с тем в нем слишком прочно сидело уважение к воровским законам. Порвав со старым, он всегда помогал чем мог бывшим друзьям и никогда не говорил никому то, о чем знал.

Данилов просил его помочь. В чем заключалась эта помощь, Костров прекрасно понимал. Он должен сделать что-то, что поможет поймать Резаного. А не значит ли это предать? Предать человека, о котором рассказывали легенды в воровских притонах, тюрьмах и лагерях. Мишка хорошо знал Широкова. Когда-то ему нравился этот человек, он даже старался подражать Резаному. Так же щегольски одевался, старался как можно реже материться, так же веско и спокойно говорил с людьми. Но Мишка знал и другого Широкова. Знал его жестокость, невероятную жадность, когда дело доходило до дележки «прибылей». Никто так не обдирал компаньонов, как он.

Костров прекрасно понимал, что Широков просто сволочь, прекрасно понимал, что именно такие, как он, испортили ему жизнь. Но предать...

И хотя он порвал со старым, но в глубине его души жила еще инерция прошлого. Вместе с тем его просил Данилов. Человек, который для него сделал очень и очень много. Мишка вспоминал толпы у военкоматов, вокзальные перроны, у которых стояли готовые к отправке поезда с бойцами... Вспоминая все это, он ощущал свою ненужность и беспомощность как раз в тот момент, когда он хотел быть полезным. Данилов просил его помочь, и если он согласится на это, то немедленно станет нужным и полезным.

Надо думать, надо решать.

Он не знал, сколько просидел в коридоре почти в полузабытьи. Мимо, как обычно, проходили люди, но на этот раз Костров не видел их – он думал.

– Ты, никак, спишь, Михаил! – вывел его из забытья голос Данилова. – Чего это ты, брат? Заходи.

Они снова сидели на тех же местах, будто и не выходили из этой комнаты. Сидели и говорили о вещах, не имеющих отношения к недавнему разговору. Данилов внимательно следил за собеседником. Мишка был рассеян, отвечал невпопад – он думал.

– Ну что решил, Миша?

Костров вздрогнул, он больше всего боялся этого вопроса.

– Так что же ты надумал, Костров?

– Иван Александрович, – Мишка вздохнул, – помогите на фронт, а...

- Значит, не надумал. А я, между прочим, за тебя перед начальником МУРа поручился.
- А он что?
- Теперь это уже малоинтересно. Ну, давай твой пропуск.
- Значит, домой мне?
- А куда же еще?
- Но ведь там...
- Боишься, значит? Ничего, ты Резаному помоги, он тебя не тронет.
- Да как же так? – крикнул Мишка. – Я же честно жить хочу, а вы говорите – помоги.

Помогу, а меня к высшей мере!

- Честно, говоришь, жить хочешь?

Данилов обошел стол и приблизился к Мишке.

– Честно? А ты знаешь, что любой честный гражданин обязан помогать органам следствия? Молчишь? Половинчатая у тебя честность. И вашим и нашим. Нет, Костров, человек обязан решить для себя – с кем он. Посредине проруби знаешь что болтается?.. Если ты с нами, значит, должен и бороться за наше дело. Середины здесь нет. Понял? А ты, я вижу, больше всего Резаного боишься.

- Я не боюсь. Он придет, я с ним знаете что сделаю!

– Ничего ты не сделаешь. У него наган, а у тебя? Ты лучше сделай так, чтобы мы с ним что-нибудь сделали.

Внезапно за окном пронзительно и резко закричала сирена, та, что на крыше здания МУРа. Потом голос ее слился с десятком других. Над городом поплыл протяжный басовитый гул.

– Опять тревога. – Данилов погасил лампу на столе, поднял штору светомаскировки. – Что такое? Гляди, Костров!

Над городом ходили кинжальные огни прожекторов. Внезапно два из них скрестились, и в точке встречи заблестел корпус самолета. Захлебываясь, ударили с крыш зенитные пулеметы, глухо заухали зенитки.

Налет. Вот оно. Немцы над Москвой.

Данилов забыл о Кострове, он забыл вообще обо всем на свете. Он видел только небо, рассеянное прожекторами, на котором, словно красные цветы, вспыхивали разрывы снарядов.

Где-то над крышами домов занялось зарево.

- Что это? – спросил Костров. – Что это, Иван Александрович?!

- Это город наш горит, Миша. Вот и в Москву пришла война.

А зарево разгоралось все сильнее. Горело где-то недалеко, в районе Трубной. Отчаянно звеня, пронеслись туда пожарные машины. В кабинете стало светло. Зыбкий розовый свет выхватывал из темноты лица, словно выкрашенные желтой краской.

Данилов взглянул на Кострова. У того дергало щеку.

– Иван Александрович, – хрипло сказал Мишка, – я помогу. Сделаю все, что нужно будет.

Муравьев

- Вот эта квартира. Здесь и живет Марина Алексеевна.
- Спасибо, мамаша. Вы не беспокойтесь, она мне рада будет, – сказал он, твердо глядя в подозрительные старухины глаза.
- Ну, если так...
- Только так, и никак иначе.

Старуха отошла, еще раз подозрительно оглянувшись. Бог его знает, кто такой. Здоровый байбак, одет ничего себе, может, и впрямь родственник.

Игорь сел на скамейку у крыльца. От цветов в палисаднике шел терпкий, дурманящий запах.

«Почти как на даче, как в Раздорах».

Там эти же цветы росли у самого крыльца и так же дурманяще пахли вечерами. Когда-то они казались ему огромным пушистым ковром. И дача казалась огромной, и даже скамейка. Но с каждым годом они становились все меньше и меньше. Дача уже не представлялась такой большой – обыкновенный одноэтажный домик. Он понял, что сам вырос, а все осталось прежним.

Последний раз он был на даче летом тридцать девятого. Ах какое это было лето! Рано утром они втроем: Коля, Володя и он – уезжали на велосипедах на Москву-реку, купались до одури, валялись на траве, курили. Курили вполне легально, и именно это было особенно приятным.

После обеда ходили на окраину поселка, на дачу инженера Дурново, где была волейбольная площадка. Веселая это была дача. Сам инженер почти все время находился в отъезде – строил мосты. Его жена Александра Алексеевна хотя была дама в возрасте, но молодежь любила очень и сама играла в волейбол.

Вечером они сидели на скамейке у водокачки и пели о том, как юнга Биль дерется на ножах с боцманом Бобом и о «стране далекой юга, там, где не злится вьюга»...

А рядом со скамеечкой был забор, и за ним тоже тонко и волнующе пахли цветы, и за этим забором жила Инна.

Они вместе росли на даче, вместе катались на велосипедах и вместе играли в волейбол. И только в этом году он увидел ее словно впервые, будто не было до этого пяти долгих лет. Увидел, что у нее тонкая, легкая фигура, золотистые волосы, вздернутый нос и родинка над верхней губой.

При ней ему хотелось еще лучше играть в волейбол, еще быстрее гонять на велосипеде. Хотелось выдумывать необычайные истории или спасти ее от хулиганов. Почему-то, играя в волейбол (если они попадали в разные команды), он старался «погасить» мяч именно на нее, обогнать рискованно, прижав к забору, на велосипеде, обрызгать водой на купании. Да мало ли что тогда могло прийти в голову!

Однажды он заметил, что, приезжая из Москвы, на станции он всегда встречал ее. Как-то они пошли со станции совсем в другую сторону, мимо дач, мимо заборов, через шоссе, к лесу.

Они шли и молчали, только иногда касались друг друга горячими руками. Он задержал ее руку в своей, и она не отняла ее. Потом он целовал ее теплые шершавые губы, и она целовала его неумело, как целуются дети.

Она говорила все время: «Игорек... милый... Игорек». С того дня они каждый день встречались на той же полянке. Инна бежала к нему, и у него холодели руки от нежности.

В Москве они встречались реже, но все равно часто. Ходили в кино, на каток. И у них было свое парадное, в котором они целовались...

И сейчас, увидев цветы, уловив запах того далекого лета, Игорь вспомнил Инку и пожалел, что не позвонил ей. Он даже знал, как она ждет его звонка. Забирается с ногами на красный большой диван в своей комнате, читает и ждет. Ветер из окна шевелит ее волосы, она смешно дует на них, если они падают на лоб.

Но как он может позвонить, что сказать?.. Все ребята уходят на фронт, а он...

Игорь сидел на лавочке, слушал, как дребезжат стекла на улице, и думал об Инне. Постепенно наступила ночь. И она была особенно заметна, эта военная ночь, так как оконный свет не разгонял темноты.

Игорь закурил, на секунду ослепнув от вспышки спички. Лишь только глаза привыкли к темноте, он увидел перед собой старичка с противогазом через плечо.

– Сидите, значит? – вкрадчиво спросил он.

И от одного его голоса у Игоря стало муторно на душе. Он понял, что ему ни за что не отвяжаться от этого почтенного ветерана домоуправления и что придется доставать и показывать удостоверение, чего совсем не хотелось.

– Сижу, папаша, – все же бодро ответил Игорь.

– Курите?

– Курю.

– Знаете, на каком расстоянии виден с воздуха огонь зажженной папиросы?

Игорь вспомнил плакаты, которыми было обвешано муровское бомбоубежище, твердо сказал:

– Знаю, – и тут же погасил окурок.

– А документы у вас есть, что вы родственник Флеровой?

«Все же настучала вредная бабка», – подумал Игорь и ответил:

– А зачем документы, папаша, я разве на нее не похож? Многие говорят, что очень.

– Мне ваше сходство устанавливать некогда...

– Папаша!..

Игорь не успел договорить. От калитки процокали каблуки. Подошла женщина. Муравьев не мог хорошо разглядеть ее в темноте. Он только видел, что она по-мальчишески стройна и высока.

– К вам родственник, гражданка Флерова, – проскрипел ехидный дежурный.

– Ко мне? – Голос был низкий, чуть с хрипотцой.

«Курит, наверное», – подумал Игорь.

– Я к вам, Марина Алексеевна. – Муравьев встал. – Может быть, в дом пригласите?

Женщина открыла дверь и остановилась на пороге, приглашая:

– Прошу, родственник.

Осторожно пройдя темную переднюю, Игорь вошел в комнату. Он слышал, как хозяйка опускала шторы на окнах, потом щелкнула выключателем. В углу засветилась причудливая лампа: бронзовая женщина держала за стебель цветок лотоса. Зеленый мертвенный свет заполнил комнату, увешанную картинами.

– Ну, я вас слушаю, родственник. – Флерова взяла тонкую папиросу.

«Латышская», – отметил Игорь.

– Так что же?

– Я уполномоченный Московского уголовного розыска. – Игорь прибавил себе одно звание, доставая удостоверение.

– Так, – сказала Флерова, – любопытно.

И по тому, как у нее дрогнуло что-то в глубине глаз, как нервно пальцы начали перебирать спички в коробке, Игорь понял, что она чего-то боится. И тут само сердце подсказало ему нужное, вернее, единственное решение. Возможно, что именно в этот момент в нем родился следователь.

– Ваш друг убит.

– Зяма? – почти крикнула Флерова.

«Вот оно, начало!» По спине Игоря поползли мурашки.

– Почему вы подумали о нем?

– Я не...

– Отвечайте! Ну! Быстро!

Пауза.

– Разве у вас один друг?

– Зяма собирался на фронт...

– Не лгите, вы знали, что он в Москве, он сегодня вечером должен быть у вас.

– Я...

– Говорите правду.

И тут случилось неожиданное. Флерова заплакала. Громко, навзрыд. Этого Игорь никак не мог предугадать. По дороге сюда он ожидал чего угодно: лжи, запирательства, сопротивления, наконец, но только не слез.

А женщина продолжала плакать. Игорь налил воды в стакан, протянул ей.

– Хорошо... Я скажу... Я все... сама... – говорила Флерова, стуча зубами о край стакана.

– Собирайтесь.

И тут где-то совсем рядом раздался отрывистый и басовитый звук. Он на секунду наполнил комнату и стих. Но вслед ему спешил второй, третий. Зазвенело окно, тонко-тонко. Где-то на улице ударил пулемет. И вдруг – страшный грохот. Со звоном рухнула рама. Погас свет.

Игорь подбежал к окну. На небе, в лучах прожекторов, лопались белые разрывы зенитных снарядов.

Налет! Первый настоящий налет!

– Марина Алексеевна, – позвал Игорь.

И вдруг он понял, что Флеровой в комнате нет.

Натыкаясь на мебель, опрокинув что-то, Игорь выскочил на крыльцо. Двор был пуст. Улицу заливал мерцающий мертвенный свет. Она стала неузнаваемой. Метрах в ста он увидел бегущую женщину.

Она!

– Стой! – крикнул Игорь. – Стой, стрелять буду!

Он выхватил наган и побежал.

Под ногами противно хрустело стекло. И вдруг нога поехала в сторону, он тяжело упал на тротуар. Левую руку обожгло, но Игорь увидел только Флерову, которая вот-вот скроется за углом.

– Стой! – еще раз крикнул он и выстрелил в воздух.

Из-за угла навстречу Флеровой выскочил милицкий патруль. Один человек остался возле нее, другой подбежал к Игорю.

– Все в порядке, – сказал Муравьев, – я из МУРа, помогите доставить задержанную.

Флерова

– У вас есть только одна возможность, – Данилов встал, прошелся по комнате, – одна возможность – правда.

Флерова молчала. Она словно окаменела с той самой минуты, когда ее ввели в управление.

– Вы слышите меня? Я понимаю ваше состояние. Но хочу напомнить: время военное, и закон строже вдвое. Помните, суд всегда принимает во внимание чистосердечное признание. Я уйду, а вы посидите, подумайте.

Она осталась одна.

Вспышка энергии, вызванная страхом, заставившим ее бежать из квартиры, сменилась сначала истерикой, когда ее вели по темному Каретному Ряду, потом полной апатией.

На столе рядом с ней лежала пачка «Казбека» и спички.

Она взяла папиросу, попробовала прикурить. Не получилось. Спички ломались одна за другой. И только тогда Марина увидела, что у нее дрожат руки. Она, словно слепая, вытянула пальцы перед собой.

Дрожат. Но почему? Что она сделала плохого? Что? Нет, так не годится. Почему этот человек говорил о суде? Судят убийц, шпионов, воров. Она же ничего не украла. Не убила никого... Зяма убит. Как познакомилась с этим человеком... Пускай его приведут сюда... Все по порядку. Вот бумага, ручка. Она напишет. Сама напишет...

А где-то в глубине памяти ожили слова: «...суд всегда принимает во внимание чисто-сердечное признание».

Этот день был особенно длинным. Солнце закрыла светлая пелена. Батуми ждал дождя. Одурающе и терпко пахли цветы. Воздух стал влажным и липким.

Она утром поругалась с Зямой. Просто так, от нечего делать. Ей не хотелось больше жить в этом городе, есть в душных шашлычных, пить кофе на набережной и ждать дождей. Она хотела уехать в Сочи. Увидеть знакомых, начать привычно-веселую, безалаберную ночную жизнь. Ей мучительно не хватало сплетен и новостей, элегантных поклонников, преувеличенно дружеских объятий знакомых киношников.

– Уезжай, если хочешь, – сказал Зяма, – я не поеду. У меня здесь дела. И потом, неужели я не имею права один месяц в году не видеть пьяных рож твоих знакомых?

У него действительно были дела. Он приехал к старику чеканщику. Зяма хотел написать о старом мастере для журнала и поучиться у него искусству чеканки. Зяма уходил к нему рано утром и возвращался домой только под вечер. От него пахло кузницей, раскаленным металлом и углем.

Марина отчаянно скучала. Поначалу она ходила с Зямой к старику. Искренне восхищалась тяжелыми барельефами и изящными тарелками, пила терпкое вино и ела тягучий сыр сулугуни. Потом ей наскучило все это: и чеканные фигуры на меди, и ласковый, улыбчивый старик, и вино.

Ей надо было встречаться со знакомыми, обязательно заниматься чужими делами, ночи напролет спорить об искусстве.

– Ты говоришь, что любишь искусство, – сказал Зяма. – Оно вот – рядом с тобой, настоящее искусство, а не треп о нем. Ты никогда не станешь хорошим художником – ты слишком много говоришь об этом. А творчество – это молчание. То, что в тебе и что всегда страшно вынести на люди, так же как и любовь.

– Ты на себя погляди. Тоже мне художник – из бывших каторжников!

Сказала – и сразу же пожалела. Зяма стоял бледный, только пальцы судорожно перебирали кисточки, которые сушились на подоконнике.

– Да, я сидел. Но там я работал. Был бригадиром взрывников. Я строил канал, и у меня кончился срок, но я остался рвать гранит для канала еще на полтора года. Я только там понял, что такое творчество и каким должен быть художник. Он должен быть достойным великих свершений людей, тех самых каналов истроек. Иначе он просто лишний.

Потом он взял свой чемоданчик и ушел к старику. А она осталась.

«Нехорошо, – подумала Марина, – нехорошо, что я так его обидела. Он добрый. Он же единственный человек, который меня ни разу не обидел. Ведь сколько ухаживал и ждал! Не то что другие. У тех одно: в ресторан, выпить, а потом – в постель. Нет, зря я его так... Зря». Но ничего, вечером она «залижет раны»... Возьмет у него деньги, на неделю смотается в Сочи.

Теперь, когда было найдено компромиссное решение, Марина успокоилась. И хотя она точно знала, что не вернется больше в Батуми, ей все равно приятно было думать о том, что

она непременно приедет сюда через неделю. И Зяма будет ее встречать, и лицо у него будет добрым и радостным. От этих мыслей стало хорошо на душе, и она пошла на набережную в кофейню перекусить.

Пока смуглолицый толстоусый официант, похожий на разбойника, не принес ей вино и купаты, она все думала о том, кого встретит в Сочи и как там обрадуются ее приезду.

– У вас свободно?

– Да, – ответила она и подняла глаза.

У столика стоял высокий седой человек. Потом, когда он сел, она заметила шрам на лице и орден на лацкане светлого пиджака.

Некоторое время они сидели молча. Потом разговорились. И опять Марина стала прежней, московской Мариной: в меру кокетливой, в меру грустной и остроумной. Ее нового знакомого звали Вадим Александрович или просто Вадим. Он – ленинградец. Полярный летчик. Марина почувствовала, что ее понесло. Так всегда начинался у нее очередной роман. После завтрака они гуляли по набережной, потом зашли на квартиру к Вадиму (у его хозяина чудная маджарка)...

Днем они уехали в Сочи. Марина едва успела собрать вещи и написать записку.

В Сочи все было так, как она думала. Шумно, весело, безалаберно. Знакомые артисты, режиссеры, писатели. Но был еще и Вадим. Ей нравилось бывать с ним на людях. Летчик, герой. «Мужик на зависть».

А он был сдержан с ее знакомыми. Сдержан, но щедр. Только когда Вадим садился играть в карты, он становился совсем другим. Глаза его были пусты и холодны, лицо приобретало странное, охотничье выражение.

– Он настоящий мужчина, – говорили ей приятельницы, – любит риск. Видишь, какое у него лицо?

Вадим никогда не проигрывал и не прощал долги.

– Это дьявол, а не человек, – говорили о нем.

Под утро, когда они оставались вдвоем, Марина жадно обнимала его. Он был крепок, как спортсмен-профессионал. Она рассказывала ему о себе, о Зяме... Рассказывала и боялась надеяться, что вот оно, счастье, которого она ждала всю жизнь.

Уехал Вадим внезапно. Утром они пошли на пляж, но по дороге встретили какого-то человека. Он что-то сказал Вадиму, и тот сразу заторопился.

Собрался он по-военному быстро. Оставил Марине десять тысяч и два костюма.

– За ними зайду в Москве. Жди...

А вечером Мишка Посельский, фотокор столичного журнала, рассказал, что два дня назад в колхозе «Виноградарь» кто-то оглушил сторожа, взломал сейф и унес триста сорок тысяч. Но Мишке никто не поверил. Его все знали как отчаянного трепача.

Конечно, в Батуми Марина не поехала. 10 июня, почерневшая от солнца и размякшая от жары, она решила уехать. Хотелось махнуть в Ленинград, там, в Управлении полярной авиации, разыскать адрес Вадима и уехать с ним в Латвию на взморье. Пока еще Латвия была «заграницей», и киношники, приезжавшие оттуда, рассказывали чудеса.

Но в Москве она закрутилась: дела, как говорят гадалки, «пустые хлопоты». Деньги она истратила. Ей подвернулась халтурка на «Мосфильме» – маленькая роль со словами, – и она осталась. А через неделю началась война.

Целый месяц ей никто не звонил, никто не приходил в гости. О ней просто забыли. И тогда она почувствовала свое одиночество. Она осталась одна в этом огромном городе, занятом делами суровыми и важными. Вместе с одиночеством пришел страх. Тогда Марина позвонила. Зяма был дома. Он встретил ее, сварил кофе, налил коньяку, и она поняла, где ее настоящее убежище, и всю ночь Марина строила планы их будущей жизни. А утром, успокоенная и полная твердой уверенности в том, что она начнет жить по-новому, она вернулась

к себе. Перебирая вещи в шкафу, нашла костюмы Вадима. И ей стало грустно. Они были совсем из другой, беззаботной, веселой жизни... Наверное, Вадим уже на фронте. Увидятся ли они еще?

Он пришел через два дня. Небритый, в измятом костюме.

– Ты разве не на фронте?

– Пока нет. Я очень устал. Утром поговорим.

Утром Вадим вынул из чемодана форму командира-пограничника.

– Ты же летчик! – удивилась Марина.

Вадим усмехнулся одними губами, продолжая рыться в чемодане. Марина подошла и заглянула через его плечо. В чемодане лежали толстые пачки денег, два пистолета и желтела россыпь патронов.

– Откуда это у тебя?

Вадим, не отвечая, собрал патроны, высыпал их на стол, достал из чемодана несколько обойм и, все так же молча, начал заряжать их.

– Почему ты молчишь?! Слышишь! Почему?!

Вадим молча сунул обойму в рукоятку пистолета.

Раздался неприятный щелчок.

– Так, – Вадим подошел к ней, покачивая на ладони матово отливающий чернотой пистолет, – тебе интересно, откуда у меня оружие? Так? Профессия такая.

– Ты же летчик?

– Да, я «летчик». Я летаю и пока, слава богу, не сажусь. Я экспроприатор, ясно? Ну а если проще – налетчик.

И она вспомнила Мишку Посельского и его рассказ о взломе сейфа.

– Значит, это ты там, в колхозе...

– Не только я. Вместе с тобой.

– Я ничего не хочу знать.

– Об этом скажи в НКВД. Ты жила на эти деньги...

– Будь они прокляты!..

– Это патетика, так сказать, отрывок из мелодрамы. А чекисты любят факты.

– Какие факты?.. Слышишь, какие?!

– Не глухой, слышу. Первый – деньги. Второй – ты служила мне ширмой. Третий – прятала мои вещи. Любого из них хватит, чтобы отправить тебя на десять лет. А ввиду военного времени – расстрелять.

Она согласилась. Вернее, заставила себя согласиться. Ею управлял уже только страх. Вадиму понадобились документы, вернее, нужно было что-то исправить в ночном пропуске. Она дала адрес Зямы...

Написав все, Флерова положила ручку, и внезапно ей стало удивительно спокойно и совсем нестрашно.

Данилов

– Картина ясная. Грасса убил Резаный. Убийство художника – его первое преступление в Москве. Понимаете, товарищи, по городу ходит командир-пограничник. Хотя он, может быть, уже переменил обличье.

Но это не важно. Кровь пролита. У него нет документов, значит, надо ожидать следующего убийства. Он свободно разгуливает по городу. И сигналы тревожные. Кто-то ракеты над крышами зажигает. Не надо забывать: Широков – бывший белобандит. Такому ничего не стоит с фашистами снюхаться. Пока это всего лишь предположение. Пока.

Данилов замолчал, посмотрел на ребят. Лица их казались усталыми и неживыми. Только Муравьев сидел свежий, словно всю ночь спал. Молодость.

– Я думаю, Иван Александрович, – Полесов поднялся, – надо Широкова ждать или у Мишки, или у Флеровой.

– Ты о Малом Ботаническом забыл?

– Там его ждать нечего. Час назад из райотдела сообщили: сгорел дом номер шесть.

– То есть как?

– Просто очень. Упала зажигалка.

– Не вовремя. Ох не ко времени. Хозяйка-то жива?

– Добро спасала, обгорела. В больнице.

– Ты, Полесов, в эту больницу поезжай. Узнай что и как. Я думаю, кого-нибудь из девчат туда вместо нянечки послать нужно. Совещание окончено. Муравьев, пойдешь с Флеровой. Ждать будешь там Широкова. Я договорюсь, тебе подмогу дадут, дом оцепят, Шарапов, останься, разговор есть.

Муравьев

– Хотите, я сварю вам кофе? Настоящий черный кофе. Это очень помогает, когда хочешь спать.

– Я не знаю, удобно ли?

– А чего неудобного, хозяин здесь вы, только прикажите.

– Вот это вы напрасно, Марина Алексеевна...

– Шучу, сидите и ждите. Сейчас будет чудный кофе, меня научил варить старик в Батуми.

Флерова вышла. В квартире было необычайно тихо. Игорь разглядывал натюрморты на стене, и ему на секунду показалось, что никакой войны вообще нет. Тишина окутывала его вязкой пеленой. Воздух в комнате сложился сизым табачным дымом.

«Нужно открыть окно. Обязательно открыть окно, иначе я засну».

Игорь подошел к старому креслу, покрытому истлевшей шкурой, и сел, вытянув ноги, только теперь он почувствовал смертельную усталость. Глаза начинали слипаться. Муравьев глубоко затянулся папиросой.

«Ты смотри, Игорь, идешь на задание старшим. Я договорился, дом оцепят. Где ставить людей, участковый покажет. Если что, стреляй, но лучше живым бери. Очень он нужен нам, Широков-то, живой нужен. Разговор с ним один есть».

Игорь встал, посмотрел в окно. На улице – пусто.

Это хорошо, значит, ребята из отделения укрылись как следует. И вдруг ему стало не по себе: а если кто-нибудь видел его в окне? Муравьев задернул шторы и снова сел в кресло.

В комнате с шорохом ожил репродуктор:

«Доброе утро, товарищи! Передаем сводку Совинформбюро.

В течение 22 июля наши войска вели бои на Петрозаводском, Порховском, Смоленском и Житомирском направлениях. Существенных изменений в положении войск на фронтах не произошло.

Наша авиация за 22 июля сбила 87 самолетов противника. Потери советской авиации – 14 самолетов.

По дополнительным данным, при попытке немецких самолетов совершить в ночь с 21 на 22 июля массированный налет на Москву уничтожено 22 немецких бомбардировщика. В условиях ночного налета эти потери со стороны противника надо признать весьма большими. Рассеянные и деморализованные действиями нашей ночной истребительной авиации и огнем наших зенитных орудий, немецкие самолеты большую часть бомб сбросили в леса

и на поля на подступах к Москве. Ни один из военных объектов, а также ни один из объектов городского хозяйства не пострадал.

Следует отметить самоотверженное поведение работников пожарных команд, работников милиции, а также московского населения, которые быстро тушили зажигательные бомбы, сброшенные над городом отдельными прорвавшимися самолетами, а также начавшиеся пожары».

Игорь внимательно прослушал сводку. Она была ему вдвойне интересна. Как-никак, а он являлся участником ночных событий.

Хозяйки все не было. Муравьев устал ждать кофе. Глаза резало, словно в них попало мыло. Игорь закрывал их, потом открывал на секунду, потом снова закрывал. Комната начала колебаться, по ней пробегали золотистые искры. Она то отдалялась, то вновь наезжала. Оцепенение и покой сковали его тело. Мимо окна с грохотом проскрежетал трамвай. Басовито задрожали стекла. Но Игорь уже не слышал этого. Он спал.

Марина вошла минут через десять. Муравьев спал, бессильно опустив руку вдоль кресла.

«Пусть, – решила она, – пусть поспит. Дверь закрыта, а если позвонят, я его разбужу».

На него обрушился вал воды, грохочущий и упругий. Игорь хотел закричать и проснулся. Мимо окон шел трамвай. Муравьев взглянул на часы. Десять. Значит, спал он четыре часа. Ничего себе старший засады. Он хотел встать и тут услышал голоса.

– Откуда я знаю... Ты приходишь и уходишь... Я не спрашиваю тебя, с кем ты проводишь ночи...

«Марина», – понял Игорь.

– Это что, ревность? Или плохо срепетированная роль? Я что-то не узнаю тебя.

Муравьев встал и чуть не закричал от боли. В затекшие ноги врезались сотни иголок.

«Господи, мне только этого не хватало!»

Пересиливая боль, он все же поднялся и сделал первый шаг. А за дверью продолжали спорить.

– Конечно, ты не узнаешь меня. Где я, как я, что я – тебе наплевать. Ты спросил, есть ли у меня деньги?

– Вот ты о чем. Деньги... А как же чистота и святость чувства, которую ты так любила?

– Чистота? О какой чистоте ты можешь говорить? Ты ее убил, так же как Зяму...

– Стоп! Откуда ты знаешь, что он убит? Ты же не выходила из дому.

– Я...

– Да, ты. Может быть, ты все же выходила? Молчишь? Откуда ты знаешь о его смерти? Говори!

– Она ссучилась, Резаный, ссучилась она, факт, – сказал за дверью еще кто-то.

«Их двое, всего двое».

Игорь почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Так всегда бывало в детстве перед началом драки. Он потянул из кармана наган, взвел курок.

А за дверью все тот же голос, хриплый и низкий, продолжал убеждать Резаного:

– Она снюхалась с чекистами. Эта падаль заложит нас. Ну, чего ждать!

– Так, – сказал Резаный. Голос его стал ломким и угрожающим. – Так. Значит, вы, мадам, стали просто сексотом, или как это называется у вас в МУРе...

– Вадим... Ты меня не понял. Я звонила туда по телефону. Я выходила в автомат.

– Одна ложь порождает другую. Ты не могла туда звонить, мы обрезали телефонный шнур. Откуда ты знаешь?

Зазвенела пощечина.

Нужно только толкнуть ногой дверь. Это совсем нетрудно. Просто взять и толкнуть. Потом войти и приказать им поднять руки. Но им овладела предательская слабость. Дверь разделяла жизнь надвое. Одна половина ее привычная, в ней живет он, Инна, мама, сестра. Живут его друзья и мечты. Другая – страшная, там убивали, били женщин... Он войдет, выстрел...

– Подожди! – высоко закричал женский голос.

Игорь толкнул ногой дверь и шагнул в комнату:

– Руки! Ну! Пристрелю, если двинетесь.

Широков стоял ближе к двери, второй, его Муравьев видел краем глаза, плотный и приземистый, медленно пятился к буфету.

– Дом окружен. Соппротивление бесполезно.

И тут Игорь допустил ошибку. Все свое внимание он сконцентрировал на Резаном, забыв о втором, глядевшем на него с тяжелой ненавистью. Всего на две секунды он потерял его из поля зрения. Тяжелая ваза, словно снаряд, перелетела комнату и ударила его в грудь. Игорь шагнул назад и упал, споткнувшись о стул.

Он услышал крик «Беги!» и, падая, дважды выстрелил во второго, плотного.

Резаный бросился к двери.

Марина увидела, как упал Муравьев, как медленно сползал по стене бандит, кровь пузырилась у него на губах, и похож он стал на тряпичную куклу. Она видела Вадима, бегущего к двери, рвущего из кармана пистолет. Вот он обернулся и поднял его.

«Все», – понял Игорь. Черная дыра ствола показалась ему огромной и устрашающе глубокой.

Марина увидела лежащего уполномоченного. Вадима, целящегося в него из пистолета. И вдруг она вспомнила, как принесла кофе и увидела этого совсем еще мальчика, крепкого и красивого, спящим. Он спал, словно ребенок, положив голову на валик кресла, и щеки у него были розовые, словно у ребенка, только над губой чернел пушок.

«Он еще, наверное, не бреется», – подумала она тогда. Воспоминание обожгло и погасло. Длилось всего долю секунды. Марина сделала шаг вперед. Ее ударило дважды. Боли она не почувствовала, но сила удара отбросила ее и швырнула на пол.

Муравьев видел, как Марина начала медленно опускаться на пол. Широкова уже не было. Он вскочил и бросился к дверям. В прихожей хлопнула дверь, гулко грохнул выстрел, потом что-то упало грузно и шумно. «Неужели убили?»

Он выскочил в узенький темный коридор и споткнулся о труп участкового.

«Зачем же он сюда пришел? Зачем? Он же должен был ждать, когда Резаный выйдет».

И тут он понял, что Широков ушел. Ушел именно в ту щель, которую открыл ему участковый.

Данилов

– Ну, Муравьев, натворил ты дел. – Начальник МУРа наклонился над убитым. – Обе в область сердца. Неужели так стреляешь или случайно?

– Случайно, товарищ начальник.

– За скромность хвалю. Но натворил ты дел. Весь город поднял. Крик, свистки, стрельба. Нападение греков на водокачку, а не засада. Засада – это когда сидят тихо и берут тихо.

Данилов, сидя у стола, внимательно и цепко оглядывал комнату. Он почти не слышал начальника МУРа. Только что два санитара увезли в больницу раненую Флерову.

– Как? – спросил Иван Александрович у врача скорой помощи.

– А как? – Врач был невыспавшийся, с красными, словно налитыми кровью глазами. – Вскрытие покажет.

– Мрачно шутите.

– Звоните... Только надежды мало.

Данилов понимал, что Игорь где-то допустил ошибку. Именно она погубила участкового Козлова, Флерову, лишила следствие показаний сообщника Резаного и дала возможность уйти Широкову.

«Дороже всего стоят наши ошибки, – думал он, – в угрозыске вообще нельзя ошибаться, иначе – кровь и смерть. Но нельзя об этом говорить мальчику. Иначе это может плохо кончиться. Он хороший парень. Ошибка. Что делать? Мы вместе ошиблись. Я и он. Мне надо было ехать сюда самому. Но ведь я не верил, что Широков придет к ней после убийства, это противоречит логике. За вещами он мог послать своего подручного. Зачем же он пришел?»

И тут Данилов понял его. Понял не как профессионал, а как мужчина. Широков шел к женщине. Он же позер, Широков. Позер и фат.

Придет ли он к Мишке? Нет. Не придет. Он сейчас должен спрятаться. Затаиться. В нору уйти. Вот и надо искать его нору.

– Ты, Иван Александрович, заканчивай, – начальник надел фуражку, – и ко мне зайди.

В управление Данилов вернулся часа через два. Муравьева отправил на машине, а сам пошел пешком, благо совсем рядом. Он медленно шел по Каретному Ряду. Поражался городской обыденности. Ведь война идет, а женщины такие же привлекательные, и платья у них нарядные. Вот мужчины стоят, здоровые парни в светлых костюмах, видно из «Кинохроники», стоят и хохочут.

Это хорошо, здорово, что они смеются. Смеются – значит, верят, что все временно: и бомбежки, и наше отступление. Временно. Нас на испуг не возьмешь. Не такие мы.

Данилов перешел на другую сторону, к «Эрмитажу», и встал в очередь за газировкой. Он выпил стакан с желтоватым кислым сиропом и купил мороженое.

Он так и вошел в МУР с брикетом мороженого в руках. На входе ему с недоумением козырнул милиционер. А потом ошалело глядел ему вслед, поражаясь не виданной доселе вольности.

– Товарищ Данилов! – По коридору бежал помощник начальника. – Вас вызывают!

К начальнику он тоже пошел с мороженым в руках. И только у стола, решив закурить, понял, что руки заняты посторонним предметом.

– Ты чего это, Иван Александрович, никак мороженое купил?

– Купил вот.

– Так чего не съел?

– Забыл.

– Это бывает. Ты жуй его, а то оно потечет у тебя.

– Да я не ем мороженое.

– А зачем купил?

– Понимаете...

– Понимаю. Ты его секретарше отдай, не то зальем пол.

Начальник позвонил.

– Анна Сергеевна, вот Иван Александрович угостить вас решил. Берите, берите!

Данилов отдал ставший мягким брикетик удивленной женщине, облегченно вздохнул и полез за папиросами.

– Последнее ты купил мороженое, Данилов, – сказал начальник, – не будет его больше. Да и много чего не будет. Тяжело станет в Москве. Я в горькоме партии был. Карточки в стране продовольственные вводят. Но об этом, о положении нашем, на партсобрании поговорим. А

сейчас частность. Помнишь, в Испании фашисты наступали на Мадрид пятью колоннами. Так?

– Нет, не так. – Данилов подался к столу. – Совсем не так. Где они возьмут у нас в Москве пятую колонну – подполье? Где?

– Ты чего меня политграмоте учишь? Это я фигурально. В органах госбезопасности есть сведения, что фашисты хотят в городе панику устроить. Из Краснопресненского района сообщили, что ночью, во время бомбежки, кто-то ракеты пускал в сторону вокзала.

– Так.

– Вот тебе и так. Есть предположения – вражеская агентура будет искать пособников среди всякой сволочи: уголовников, шкурников и им подобных. Твоя группа должна заняться этими ракетами. Я имею в виду Красную Пресню.

– А в других районах были?

– Были. Но там другие будут работать.

– А как же Широков?

– Будешь вести дело параллельно.

Широков и Потапов

– Ну что, «белый рыцарь»? Допрыгался? С бабой связался!

– Ты бы молчал побольше, Сергей.

– Пугаешь, гнида, забываться стал. Я тебя, между прочим, и задавить могу.

– Ты мне эти разговоры брось. Слышишь, брось!

– Не брошу! До тех пор не брошу, пока ты не поймешь, что делать надо.

– Ну просвети, «духовный пастырь», просвети. Только не забывай, что я не старушка богомолка...

– Ты идиот, Андрей. Неужели непонятно, чем тебе заниматься надо?

– Непонятно.

– Собирай людей надежных. Чтоб замараны по уши были. В крови замараны.

– Банда, значит.

– Нет, группа.

– Это для Чека для разницы.

– Скоро здесь будут немцы. У меня был человек оттуда.

– О-о-о!

– Он сказал: пора.

– Что «пора»?

– Пока ракеты. Каждую ночь ракеты. Потом грабить магазины, квартиры, сеять панику. Деньги, документы, оружие – все есть.

– Я панику сеять не умею, слухи тоже, я стрелять умею.

– Вот и будешь стрелять сколько хочешь. Но не один, с людьми. Есть люди?

– Должны быть.

– Пошлем по адресам надежного человека, тебе отсидеться надо. Ешь, пей, отдыхай.

– Рица прямо. Курорт.

– Нечто вроде.

– А долго ждать?

– Недели две-три, пусть немцы поближе подойдут.

Данилов

Телефон звякнул, и он сразу поднял трубку.

- Шарапов докладывает.
- Ну что у тебя?
- У Миши все тихо. Ждать?
- Не надо. Миша в курсе?
- Да.
- Ты поезжай в управление. Он сам все сделает, если что.
- Слушаюсь.

Глава 3 МОСКВА. АВГУСТ

Данилов смотрел на календарь. Только что он оторвал предпоследний листок июля. Что же мог он сказать о прошедших тридцати днях? Пожалуй, ничего хорошего. То есть просто ничего хорошего. Июль для Данилова был на редкость тяжелым. Дело Грасса пока не продвинулось. После неудачной засады на квартире Флеровой Широков исчез, словно канул в воду. Никакие оперативные мероприятия не помогали. Конечно, если бы не война, возможно, сидел бы Резаный во внутренней тюрьме. Но обстановка, сложившаяся в Москве, не позволяла Данилову бросить все силы на поиски Резаного. Слишком мало осталось в МУРе людей, и слишком много дел навалилось на них. Четко определенные функции милиции расширились до пределов, никому не ясных. Теперь в сферу их действия попадало абсолютно все: охрана заводов, ночное патрулирование, оказание помощи пострадавшим от вражеских налетов. Особенно тяжело приходилось с нарушением паспортного режима. Москва стала перевалочной базой для всех, без исключения, беженцев из западных областей. Ежедневные сводки дежурного по городу пестрели сообщениями о массе мелких нарушений, которые приходилось оставлять безнаказанными, принимая во внимание сложность обстановки.

Московская милиция, ну и, конечно, МУР перешли на казарменное положение. Правда, Иван Александрович пару раз вырывался домой, чтобы повидаться с Наташей, однако встречи эти были слишком коротки.

Но чем бы ни занимался, Данилов постоянно думал об убийстве Грасса. К сожалению, он пока не мог допросить Флерову. По сей день она находилась в очень тяжелом состоянии. В написанных ею еще раньше показаниях Данилов нашел несколько интересных деталей, которые требовали объяснения, а главное, развития. Ничего пока не мог сообщить Костров. Мишка безвылазно сидел дома, ожидая прихода Широкова. За его квартирой велось круглосуточное наблюдение, но пока все это не давало никаких результатов.

Позавчера Ивана Александровича вызвал начальник МУРа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.